

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА # 1

МОЖНО ЛИ УМЕРЕТЬ ДВАЖДЫ?

АБСОЛЮТНЫЙ
ШВЕДСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР # 1

Темные, сложные
и чертовски
ироничные романы

ПЕРССОНА — убойная смесь
реализма, психологизма
и острого полицейского
жаргона

ШОРТЛИСТ ПРЕМИИ PETRONA AWARD 2017
В КАТЕГОРИИ ЛУЧШИЙ СКАНДИНАВСКИЙ РОМАН

ЛЕЙФ Г.В.

ПЕРССОН

ШОРТЛИСТ ПРЕМИИ CWA INTERNATIONAL DAGGER

Комиссар Эверт Бекстрём

Лейф Перссон

Можно ли умереть дважды?

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)

Перссон Л. Г.

Можно ли умереть дважды? / Л. Г. Перссон — «Центрполиграф»,
2016 — (Комиссар Эверт Бекстрём)

ISBN 978-5-227-07469-0

Юного скаута Эдвига высадили на безлюдный остров и поручили собрать грибы и ягоды для общего котла. Но его ждала находка иного рода – простреленный человеческий череп. Пытливый подросток понимает, что должен немедленно показать его своему соседу по дому и старшему другу, комиссару полиции Эверту Бекстрёму. Официальное следствие начинается с генетической экспертизы, которая устанавливает личность убитой. Результат шокирует: эта женщина умерла дважды! Менее опытного следователя это открытие сбilo бы с толку, но только не Бекстрёма. Ведь он прославился как лучший специалист по расследованию убийств.

УДК 821.113.6-31

ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-227-07469-0

© Перссон Л. Г., 2016

© Центрполиграф, 2016

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Лейф Г. В. Перссон

Можно ли умереть дважды?

Leif GW Persson
KAN MAN DÖ TVÅ GÅNDER?

Серия «Иностранный детектив»

Published by agreement with Salomonsson Agency

Copyright © Leif GW Persson, 2016

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

* * *

Это страшная сказка для взрослых детей, но дело вдобавок обстоит так, что один из главных персонажей истории ребенок, а именно сосед Эверта Бекстрёма малыш Эдвин, которому всего десять лет.

Если угодно, его можно рассматривать как современный вариант уличных мальчишек, которых мы встречаем в рассказах Конан Дойла о Шерлоке Холмсе, его помощников с Бейкер-стрит, или, пожалуй, Эмиля Тышбайна из книги Эриха Кестнера «Эмиль и сыщики». Или, если наконец назвать того, кто наиболее известен шведским читателям, нашего собственного юного супердетектива Калле Блумквиста из трех произведений Астрид Линдгрэн.

У Бекстрёма и Эдвина нет ни малейшего внешнего сходства, однако между ними существует тесная внутренняя связь. Эдвин – верный оруженосец Бекстрёма и его помощник в массе мелких дел бытового и личного свойства, тогда как Бекстрёма (если брать за основу взгляд на это Эдвина) лучше всего можно описать как духовного наставника и образец настоящего мужчины. Когда Эдвин, находясь на озере в летнем лагере скаутов, делает по-настоящему страшную криминальную находку, он, естественно, обращается к Бекстрёму, чтобы тот помог ему разобраться с его открытием.

При этом он, пожалуй, также втайне сам надеется помочь «комиссару» в его работе по расследованию того, что уже с первого мгновения, по мнению Бекстрёма, выглядит как хорошо замаскированное умышленное убийство.

Комиссар и легендарный специалист по расследованию убийств, которому уже за пятьдесят, и десятилетний пацан. Естественно, можно много спорить об уместности того, что последний воспринимает первого как духовного отца, но если мы отвлечемся от всего подобного и постараемся спокойно отнестись к такой ситуации, то это также рассказ о возвышенной дружбе между двумя мужчинами, где внутренняя общность значит гораздо больше, чем внешние различия. Во всем остальном, однако, это ужасная история. Злые силы в ней ведут свою игру, темные тучи собираются над головой Бекстрёма и малыша Эдвина.

Но я не собираюсь предвосхищать события. Позвольте мне взамен начать с начала и по порядку рассказать все, что произошло, вплоть до печального конца.

*Лейф Перссон,
профессорская вилла, Эльгхаммар*

Часть первая

Довольно жуткая находка с криминальным происхождением

1

Буквально за несколько минут до шести пополудни во вторник девятнадцатого июля кто-то позвонил в дверь квартиры комиссара криминальной полиции Эверта Бекстрёма на Кунгсхольмене в Стокгольме, тем самым положив начало очередному его расследованию убийства, хотя это никогда не начиналось таким образом.

Обычно подобная процедура соответствовала давно устоявшимся правилам. В полиции Сольны комиссар возглавлял группу по расследованию тяжких преступлений. К самым серьезным из них относились случаи насильственной смерти, и в обязанности Бекстрёма входило разбираться с ними, то есть раскрывать их и заботиться о том, чтобы преступники оказывались в руках правосудия и получали заслуженное наказание и чтобы близкие жертв, зная об этом, могли прийти в себя после тяжелой утраты.

Для Бекстрёма очередное расследование почти всегда начиналось с телефонного разговора. Кто-то из его начальников, коллег или ответственный дежурный, если все происходило в рабочее время, что случалось далеко не редко, звонил и просил его позаботиться о деле.

И Бекстрём, естественно, не возражал. С чего бы это? С тех пор как несколько лет назад комиссар начал трудиться в полиции Сольны, ему пришлось руководить расследованием двух десятков убийств, и он раскрыл все их, кроме одного. И в какой-то момент настолько в этом преуспел, что поставил под угрозу существование собственной должности, поскольку число преступлений такого рода в его районе уменьшилось самым невообразимым образом. К счастью, так продолжалось недолго, и в последний год Бекстрём с радостью констатировал увеличение случаев насилия со смертельным исходом и умышленных убийств в особенности. В общем, очередной телефонный разговор по службе вполне мог привести к появлению на его письменном столе дела о еще одном трупе, что было в порядке вещей.

Однако на этот раз все началось со звонка в его собственную входную дверь, и то, что, как довольно быстро выяснилось, оказалось крайне трудным расследованием, ему доставили прямо на дом, как теплую пиццу.

В тактичном, но одновременно довольно настойчивом сигнале, прозвучавшем в его квартире, в принципе не было ничего таинственного, поскольку Бекстрём раньше слышал его много раз и прекрасно знал, кто обычно вторгался в его частную жизнь таким образом. «Малыш Эдвин», – подумал комиссар, хотя это казалось странным, ведь, когда они в последний раз виделись за неделю до Янова дня, парень рассказал ему о своих планах поехать в летний лагерь со скаутами и вернуться назад только через месяц, в конце июля.

2

Вплоть до неожиданного звонка в его дверь это был обычный рабочий день Бекстрёма. Поскольку стояла замечательная погода, он позвонил на работу и сообщил, что, к сожалению, будет вынужден все утро трудиться дома. Государственному полицейскому управлению

срочно понадобилась его помощь в одном трудном деле, которую ему проще всего было оказать посредством собственного домашнего компьютера, не занимаясь напрасной бегом.

А потом он сидел у себя на балконе, ел фрукты и читал утренние газеты в тишине и покое. После чего принял душ, тщательно оделся, в соответствии с предсказаниями синоптиков для еще одного прекрасного шведского летнего денька в той приятной жизни, которую он сегодня вел, прежде чем наконец вызвал по телефону такси, доставившее его к зданию полиции Сольны. Уже за час до обеда Бекстрём оказался в своем по большому счету пустом офисе. Половина его сотрудников находилась в отпуске, поскольку не понимали, что именно лето лучше всего подходит для отдыха, если ты предпочитал делать это в рабочее время и за казенный счет. Ведь при малочисленном штате просто-напросто и речи не могло идти об участии в каких-то слишком трудозатратных авантюрах, независимо от желания руководства. Оставалось только перелистывать старые газеты и прекращать зашедшие в тупик дела. Короче говоря, избегать всего, что не носило срочный характер и не могло повлечь за собой больших проблем.

Сначала ему, как обычно, пришлось прогуляться по офису и убедиться, что никто из его помощников не занимается чем-либо, способным разрушить размеренную летнюю жизнь. Но все выглядело спокойно: пустые комнаты, коридоры и письменные столы, обычные лентяи, сидевшие в кафетерии и болтавшие обо всем, происходящем между небом и землей, что не касалось работы. Закончив с рутинной проверкой, Бекстрём ввел себе в автоответчик сообщение о том, что после обеда он будет находиться на совещании и планирует вернуться на работу только на следующий день.

Потом он на такси добрался до Юрсгорден, чтобы перекусить в кабаке, чье местоположение сводило почти к нулю опасность столкнуться с каким-нибудь улизнувшим с работы коллегой. Там для начала он закусил селедкой, добавив к ней холодное чешское пиво и рюмку русской водки, исключительно для улучшения пищеварения. После чего последовал бифштекс с еще одним бокалом пива и более солидной порцией водки для компенсации действия поданного к мясу жареного лука. А закончив трапезу кофе и коньяком, он сел в третье за день такси, чтобы поехать домой и хорошо отдохнуть после обеда, что с лихвой заслужил.

Бекстрём проснулся всего за четверть часа до того, как Эдвин позвонил в его дверь. Хорошо отдохнувший, в отличном настроении и с кристально ясной головой, комиссар даже успел смешать себе первый вечерний коктейль, прежде чем знакомый сигнал нарушил его покой. Примерно в тот момент, когда он мысленно уже начал строить планы, как ему закончить еще один рабочий день.

«Странно», – подумал Бекстрём. С одной стороны, это был типичный звонок мальчика Эдвина. С другой, согласно собственным словам мальчугана, подтвержденным его матерью, с которой Бекстрём столкнулся на лестнице всего несколько дней назад, Эдвин находился в летнем лагере скаутов на острове Экерён на озере Меларен по меньшей мере в трех десятках километров от дома, где жил. И ждали его домой не ранее чем в конце следующей недели.

Бекстрём, конечно, был самым известным и уважаемым полицейским Швеции. Живым символом безопасности, на которую имели право все граждане страны. Непоколебимым утесом, за которым любой мог найти защиту в наше злое и беспокойное время. Именно так все приличные и нормальные люди смотрели на него, имея на то веские основания, и таковым Бекстрём сам считал себя. Впрочем, существовало слишком много других, не разделявших это мнение и готовых без толики сомнения использовать обычный сигнал Эдвина, лишь бы подобраться к комиссару вплотную и ранить или убить его. Это в конце концов дошло и до его недалеких работодателей, давших ему право носить служебный пистолет даже в нерабочее время.

Поэтому в любой день недели, в любой час суток, где бы он ни находился и что бы ни делал, комиссару составлял компанию его лучший друг в этой жизни, малыш Зигге, служебный пистолет марки «Зиг Зауэр» с магазином, вмещавшим пятнадцать патронов. Пусть Бекстрёму

даже пришлось посидеть за решеткой, и потребовалось вмешательство руководства полицейского профсоюза, прежде чем кто-то из его начальников осмелился принять это решение.

«Глупо рисковать», – подумал Бекстрём, достал Зигге из кармана халата и только потом отправился в прихожую с целью поближе взглянуть на своего посетителя.

3

Бекстрём был осторожен. Злые люди толпами шастали у его крыльца, и только он, он один мог решать в каждом конкретном случае, стоит ему опускать подъемный мост замка, служившего ему жилищем, и как это делать.

О том, чтобы посмотреть в дверной глазок, у него и мысли не возникло. Только слабые на голову склонные к самоубийству личности предпочитали действовать таким образом, рискуя получить пулю в башку. А если и имелся глазок на его двери, то исключительно ради того, чтобы обмануть противника. Взамен ему несколько месяцев назад установили скрытую камеру наружного наблюдения, которую комиссар для удобства подсоединил как к своему домашнему компьютеру, так и к модному мобильному телефону.

«Определенно Эдвин», – решил Бекстрём и, коснувшись дисплея мобильного, вывел на него картинку всей лестничной площадки и убедился, что мальчуган один.

Прежде чем открыть дверь, он сунул Зигге в карман халата, чтобы напрасно не пугать гостя.

– Эдвин, – сказал Бекстрём. – Приятно видеть тебя. Чем я могу помочь, молодой человек? Рассказывай!

– Если комиссар извинит, при всем уважении, – смущенно проговорил мальчик и вежливо поклонился, – мне кажется, в этот раз я могу кое-что сделать для вас.

– Вот как? Отлично звучит. Входи, сейчас узнаем. «Своеобразный парень, – подумал Бекстрём. – Не говоря уж о том, какой странный наряд на нем сегодня».

Эдвин был маленький и худой. Тощий, как зубная нить, и ростом не намного больше того ее отрезка, который Бекстрём обычно складывал посередине, прежде чем утром и вечером почистить произведение искусства, ныне заменявшее его исходный набор. К тому же парнишка носил круглые очки в массивной оправе с линзами толщиной с бутылочное стекло и говорил книжными фразами. Короче говоря, маленькая, эрудированная очковая змея, переехавшая в их подъезд несколько лет назад. Эдвин обладал тем достоинством, что был хорошо воспитан на стародавний манер и являлся, к счастью, единственным ребенком, как в своей семье, так и в доме, где они с Бекстрёмом жили.

Бекстрём не любил детей. В том не было ничего странного, поскольку он не лучшим образом относился ко всем людям за исключением самого себя, а также к большинству животных и растений, но для Эдвина делал исключение. Ведь в конечном счете оказалось, что мальчик молчалив, отличается невероятной преданностью и также может быть крайне полезным, когда речь шла о выполнении небольших поручений вроде того, чтобы купить газеты, содовую для коктейля и различные продукты в магазине деликатесов в торговом центре на Санкт-Эрикsgатан. Пусть даже требовалось подождать еще несколько лет, прежде чем Бекстрём смог бы послать его в винный магазин для выполнения немного более трудного задания. Но всему свое время, а уже сейчас Бекстрём привязался к парнишке.

В этот день Эдвин был одет в униформу – синюю рубашку с длинными рукавами, желтый шейный платок, концы которого спереди соединялись плетеным кожаным шнурком, синие брюки чуть ниже колен и синие кроссовки. Его рубашку украшало несколько тканевых эмблем и металлических значков, на поясном ремне висели большой финский нож и три сумки разного размера, а из-за спины выглядывал маленький рюкзак из коричневой кожи.

«Возможно, он сбежал из отряда морских скаутов», – подсказал Бекстрём-полицейский.

Бекстрём и его гость расположились в гостиной комиссара. Сам хозяин устроился в своем напоминавшем трон кресле с подставкой для ног, тогда как Эдвин сначала снял с себя рюкзак, поставил его на разделявший их придиванный столик и только потом сел в ближайший угол дивана. С прямой, как у оловянного солдата, спиной и серьезной миной.

– У тебя какое-то дело ко мне, – напомнил Бекстрём, пригубил своего коктейля и дружелюбно кивнул маленькому посетителю.

– Да, – подтвердил Эдвин. – Несколько дней назад я сделал находку на острове рядом со скаутским лагерем, где сейчас нахожусь. По-моему, она может заинтересовать вас, комиссар.

– Я слушаю, – дружелюбно улыбнулся Бекстрём. – Рассказывай.

Эдвин кивнул, открыл свой рюкзак и, достав из него пластиковый пакет, передал Бекстрёму. Взяв его в руку, тот сразу понял, что находится внутри.

«Ничего себе», – подумал он.

– Довольно жуткая находка, – согласился Эдвин серьезно.

4

Днем ранее Эдвин с утра ходил под парусом вместе со своими товарищами из лагеря скаутов, но сразу после обеда получил специальное задание. Его высадили на близлежащий островок для сбора лисичек и других съедобных грибов да и по большому счету всего, что можно было использовать для снижения расходов на содержание Эдвина и его товарищей без опасности для их жизни.

Ни одного гриба не попалось, что, если верить Эдвину, не стало для него сюрпризом при мысли о сухой погоде, которая стояла уже почти месяц. Ничего другого годного в пищу не нашлось тоже. Зато он сделал находку иного рода.

– Я увидел его и сначала принял за большой гриб-дождевик, – сказал Эдвин и кивнул на белый череп, лежавший на столе между ними. – Он прятался во мху так, что только верхушка темени торчала.

– И что ты сделал дальше? – поинтересовался Бекстрём. «А парень все еще немного бледноват», – подумал он.

– Ну, я пнул его ногой. Так обычно поступают с этими грибами, чтобы они лопнули и подымили немного. И тогда понял, что передо мной. Он лежал совсем близко к входу в лисью нору, поэтому мне следовало раньше догадаться.

Бекстрём довольствовался кивком в знак согласия. Потом он сунул ручку в глазницу черепа, поднял его, чтобы рассмотреть поближе, не оставляя собственных отпечатков пальцев или прочих следов.

– Я сделал точно как комиссар, – сообщил Эдвин. – Старался не оставлять ненужных следов. Не прикасался к нему.

– Понятно, – кивнул Бекстрём. – Мы же профессионалы, ты и я. А не какие-то бестолковые частные сыщики.

«Парень может далеко пойти», – подумал он, изучая находку Эдвина.

Это был человеческий череп, у которого отсутствовала нижняя челюсть, что довольно часто случалось, если черепа какое-то время лежали в природных условиях. В остальном, похоже, он был в отличном состоянии. Белый и без каких-либо ошметков плоти. И следов инструмента, которые могла оставить на нем человеческая рука. Без отметин зубов животных. Только с тем, что могло находиться на нем, принимая в расчет рассказ Эдвина. С остатками мха и травы, длинной травинкой, застрявшей между передними зубами в верхней челюсти. В

общем, ничего странного. За последние двести лет несколько поколений шведских археологов делали тысячи подобных находок в Мелардалене, ведь такого добра немало накопилось там с бронзового века и более ранних времен. Поэтому не было никакой причины беспокоиться даже для комиссара Бекстрёма. Если бы не маленькое круглое отверстие в правом виске, на высоте средней линии глазницы.

– Пуля осталась в черепе, – сообщил Эдвин, протягивая Бекстрёму маленький карманный фонарик. – Я слышал, как она гремела, когда поднял его. Потом посветил внутрь с помощью моего фонарика.

– Вот как, – сказал Бекстрём. Он осторожно покачал череп, наклонил его под нужным углом и посветил внутрь. Она лежала там, как и говорил Эдвин.

Свинцовая, без оболочки, вероятно, 22-го калибра. Входное отверстие с рваными краями, но никакого выходного отверстия. Пуля расплющилась, пройдя через височную кость, и сейчас имела вдвое больший диаметр, чем в момент выстрела. Слишком большой, чтобы выпасть наружу, через проделанное пулей отверстие, и в результате осталась в голове человека, которого убила. И она оказалась какой ни на есть причиной, по которой сделанная Эдвином находка оказалась на столе Бекстрёма. Точнее, на его собственном придиванном столике.

– Ага, да, – протянул Бекстрём, опустив череп на стол. – И какие соображения у нас на сей счет? Поскольку это твоя находка, Эдвин, я предлагаю тебе начать. Что ты думаешь о данном черепе?

Сначала Эдвин ограничился кивком. Затем он достал из одной из висевших на его ремне сумок маленькую черную записную книжку и ручку из кармана рубашки. Поправил очки и какое-то время бормотал что-то себе под нос, только потом наконец заговорил.

– Спасибо, комиссар, – сказал Эдвин. – По-моему, это женщина. Взрослая. Возраст между двадцатью и сорока годами. На момент смерти, я имею в виду. Хотя я, конечно, абсолютно в этом уверен.

– И откуда такая уверенность?

«Парень, пожалуй, слишком умен для своего возраста», – решил Бекстрём.

– Я залез в Гугл, пока сидел в автобусе на пути сюда, – объяснил Эдвин, явно удивленный таким вопросом, и поднял собственный айфон в подтверждение своих слов.

– Я, конечно, могу показаться занудой, – не сдавался Бекстрём. – Но откуда у тебя такая уверенность на сей счет?

Если верить Эдвину, все, абсолютно все говорило в пользу его утверждения. Хорошо сросшийся череп с явно видимыми швами. Точно как у взрослых. Коренные зубы, как у взрослых. Никаких молочных зубов, которые дети могут иметь вплоть до тринадцатилетнего возраста. Определенно, взрослый человек.

– А почему ты считаешь, что это женщина? – не отступал Бекстрём.

– Дело прежде всего не в размере, – пояснил Эдвин. – У женщин, конечно, голова меньше, чем у мужчин, в среднем, значит, а эта очень уж маленькая, если сидела на плечах взрослого человека. Хотя имеются и другие различия. Между мужчинами и женщинами, я имею в виду.

«Все так, все так», – подумал Бекстрём и кивнул ободряюще.

– Дело, прежде всего, в другом, – продолжал Эдвин. – Вот, например, лоб. У мужчин он зачастую наклонен назад и более прямоугольной формы. Да, потом еще надбровные дуги. У нас они обычно ярко выражены, а у женщин маленькие или даже вовсе отсутствуют. Глазницы круглее у женщин, и если комиссар внимательно посмотрит на них, то можно увидеть, что верхний край глазниц тонкий и острый. У мужчин он значительно шире и более закругленный. О подбородке же мы ничего сказать не можем, поскольку отсутствует нижняя челюсть.

– И ты абсолютно уверен?

«Для чего вообще нужен Национальный центр судебно-медицинской экспертизы, – подумал Бекстрём. – Сотни идиотов, которые болтаются, еле волооча ноги, хотя их с успехом мог бы заменить один мой приятель Эдвин».

– Да, абсолютно уверен.

– До чего еще ты додумался?

– По-моему, она не принадлежала к деклассированным элементам или преступникам. Была обычным человеком. Вполне обеспеченным, жившим нормальной жизнью. У нее белые и совершенно здоровые зубы. Ни одного дефекта. Никаких следов зубного камня или кариеса. У нее также отсутствуют следы прежних заживших ран на голове. От ударов или полученных в результате несчастного случая, я имею в виду.

– И все это ты выяснил, пока ехал в автобусе и лазал в Гугле? – поинтересовался Бекстрём.

– Да, – подтвердил Эдвин. – Я оказался почти один в салоне, поэтому сел в самый конец, так что никто не мог видеть, когда я смотрел на свою находку. Кроме того, на дорогу до Кунгсхольмена ушел почти час.

«Впереди сидят несколько взрослых идиотов и размышляют о том, как они получат пищу или макароны на ужин и как бы им успеть за вином, пока не закрылся магазин, – размышлял Бекстрём. – А пока они заняты своими думами, в самом конце автобуса расположился малыш Эдвин, чтобы в спокойной обстановке на основе известных научных данных исследовать череп, который он нашел за несколько часов до этого».

«Точно как поступил бы и я, – подумал он. – Есть еще надежда на спасение у человечества. Хотя, если смотреть правде в глаза, оно совсем не заслужило этого».

– Как, по-твоему, я ни о чем не забыл спросить тебя? – поинтересовался он.

Пожалуй, предположил Эдвин, только об одном, хотя он не может утверждать. Просто ему так кажется.

– И что же это такое? – спросил Бекстрём.

– Мне кажется, она родилась не в Швеции и не в Европе. Перед нами череп не европеоидного типа, как говорят антропологи. Она также вряд ли саамка.

– Я тоже в это не верю, – согласился Бекстрём. «Численность чертовых лопарей в Мелардалене скорее говорит в пользу обратного».

– Откуда она тогда? – настаивал Бекстрём.

– На мой взгляд, из Азии, – ответил Эдвин. – Из Таиланда, Вьетнама, Филиппин, пожалуй, Китая или даже Японии. С Дальнего, но не с Ближнего Востока. Хотя это просто мои ощущения.

– Я думаю, с этим не возникнет проблем, – сказал Бекстрём. – Как только мы получим ее ДНК.

– Из пульпы зуба, – добавил Эдвин и кивнул. – Принимая в расчет состояние ее зубов, это, пожалуй, не составит труда.

– Угу, – кивнул Бекстрём.

«А чего я, собственно, ожидал?» – подумал он.

– Остается решающий вопрос, – продолжил Эдвин, поставив ручкой галочку в своей записной книжке.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовался Бекстрём.

– Убийство или самоубийство, – пояснил Эдвин.

– Да, я как раз собирался задать его тебе. – Бекстрём откровенно солгал, поскольку последние минуты их разговора думал исключительно о том, что ему пришлось смешать себе новую порцию коктейля. – И что ты думаешь об этом? – спросил он.

Нельзя исключать самоубийство. Судя по входному отверстию и углу, под которым вошла пуля, выстрел с близкого расстояния в правый висок. Пожалуй, даже в упор, если в качестве

оружия использовался пистолет или револьвер, а не ружье. Самоубийства с использованием огнестрельного оружия, кроме того, более обычное дело, чем убийства, даже если, как правило, мужчины, а не женщины лишали себя жизни таким способом. Если бы входное отверстие находилось в нёбе на верхней челюсти, Эдвин почти не сомневался бы, что ни о каком преступлении речь не шла.

– И какие у тебя предположения? – не сдавался Бекстрём. – Как, где и когда? Ты же знаешь, о чем я постоянно талдычу.

«Лучше воспользоваться случаем, – подумал он, – пока малыш Эдвин не вернулся в ту далекую галактику, откуда прибыл. Место, обитателям которого известно все то, о чем всем другим и, к сожалению, также мне самому еще приходится размышлять».

По мнению Эдвина, это было убийство. И главным образом исходя из полицейского правила, касавшегося нераскрытых случаев.

– Как обычно говорит комиссар: «Считай все убийством, пока обратное не доказано», – сказал Эдвин и уверенно кивнул.

Больше ему почти нечего было добавить. За исключением того, что преступление, вероятно, произошло не там, где он нашел череп. Поскольку череп лежал у лисьей норы, Эдвин считал, что тело изначально закопали или спрятали где-то в другом месте на острове. От ближайшего берега нору отделяли почти сто метров, достаточное пространство, чтобы спрятать труп, так зачем было тащить его еще куда-то без всякой на то необходимости?

– Я же бывал на этом острове раньше, – объяснил Эдвин. – Вокруг главным образом заросли кустарника. Почти как джунгли. Кому понадобится таскать мертвеца, если этого можно избежать.

– И где же тогда место преступления? – спросил Бекстрём.

– Пожалуй, это лодка, – сказал Эдвин. – В таком случае, по-моему, все произошло летом, когда люди, у которых есть такая возможность, обычно совершают прогулки по озеру.

«Я того же мнения, – согласился Бекстрём, пусть и ограничился лишь кивком. – Зачем отправляться на озеро, если хочешь всего лишь избавиться от мертвого тела? Сначала мужчина, вероятно, бросил на ночь якорь в какой-нибудь подходящей бухточке. А потом, когда они выпили и закусили, составлявшая ему компанию женщина стала допекать его. Тогда он принес мелкокалиберное ружье, имевшееся у него в лодке, и положил конец затянувшейся дискуссии, выстрелив ей в голову».

Комиссар криминальной полиции Эверт Бекстрём ограничился кивком, не видя смысла в том, чтобы напрасно сотрясать воздух.

– Когда это случилось, по-твоему? – спросил он.

По данному пункту – когда именно прозвучал смертоносный выстрел – Эдвин еще не пришел к определенному мнению. С помощью Гугла он выяснил, что патроны 22-го калибра выпускались уже почти сто тридцать лет, а данные подобного рода оттуда почти всегда соответство вали истине. Кроме того, хватало черепов, пребывавших в столь же хорошем состоянии, как и тот, который он нашел, хотя они могли пролежать в земле более сотни лет. Но будь у него возможность выбирать, он склонился бы к варианту, что речь шла об убийстве, совершенном уже после его появления на свет. То есть в течение последних десяти лет.

– Если бы ты мог выбирать... – повторил Бекстрём. – Что ты имеешь в виду?

– Поскольку именно я нашел ее, – пояснил Эдвин, – в этом была бы некая справедливость. Комиссар наверняка понимает, о чем я говорю.

5

– Большое спасибо тебе, Эдвин. – Бекстрём дружелюбно кивнул своему посетителю. – Я могу еще что-то для тебя сделать?

– А нельзя ли мне получить бутерброд? – спросил Эдвин. – Просто я немного голоден.
– Естественно, – произнес Бекстрём с явной теплотой в голосе. – У меня есть ветчина, и колбаса, и печеночный паштет, и кое-что еще. Селедка и креветочный салат с майонезом, икра уклейки, копченый угорь и лосось. Ты можешь взять что хочешь.

– Спасибо, – сказал Эдвин. – Меня интересует еще одно дело.

– Я слушаю.

– Нам, пожалуй, стоит переговорить с Фурухельмом.

– Фурухельмом?

– Да, он заведующий лагерем, где я нахожусь. И может поднять шум, поскольку я не предупредил, прежде чем уйти. И не разговаривал ни с кем об этом. – Он кивнул в сторону лежавшего на столе пластикового пакета.

– Разумно с твоей стороны, – похвалил его Бекстрём. – Люди обычно слишком много болтают, а это должно остаться между нами. Не беспокойся. Я все улажу.

– А как мы поступим с моими папой и мамой? – спросил Эдвин.

– С этим я тоже разберусь.

– Вот здорово! – воскликнул Эдвин, настроение которого сразу улучшилось.

– Так что не беспокойся, – сказал Бекстрём. – Тебе главное сейчас перекусить.

«Проблемы, проблемы, проблемы», – подумал комиссар, как только Эдвин исчез в его кухне. Даже не размышляя подробно над этим делом, он уже видел полдюжины практических проблем, требовавших неотложных мер в связи с помощью, оказанной полицией его юным соседом, которая в форме пластикового пакета торговой сети «Консум» лежала на придиванном столике в его квартире. К несчастью, они имели непосредственное отношение к его службе, а поскольку он был шефом, ему оставалось только отдать приказ и позаботиться о том, чтобы кто-нибудь из сотрудников разобрался с данной частью всего целого.

«Надо перекинуть на кого-то практическую сторону, – подумал Бекстрём. – Позвоню-ка я Утке».

Новоиспеченный комиссар криминальной полиции Анника Карлссон была «наиближайшим человеком» Бекстрёма в отделе тяжких преступлений. Коллеги прозвали ее Уткой, и являлось ли это прозвище проявлением симпатии или средством оскорбления, зависело от того, кто произносил его. Но в любом случае, прежде чем делать это, считалось разумным предварительно убедиться, что сама она находится на приличном расстоянии и прозвище не достигнет ее ушей.

Сказано – сделано. Бекстрём позвонил Утке и вкратце изложил ей суть проблемы. Составить исходное заявление по подозрению в убийстве, позаботиться, чтобы кто-нибудь допросил десятилетнего свидетеля, передать череп с пулевым отверстием и находившейся в нем пулей дежурному эксперту. Плюс сделал все иное, естественным образом следовавшее далее, когда требовалось начать расследование убийства.

– Эдвин, – сказала Утка. – Это же тот малыш-сосед, которого ты используешь в качестве мальчика на побегушках? Он ведь чуть больше червяка? Милый парнишка. Настоящий маленький чудак.

– Я не понимаю, при чем здесь это, – поставил на место подчиненную Бекстрём. – Я хочу, чтобы ты разобралась с данным делом.

– Понятно, мы все этого хотим. Тебе еще что-то надо? – спросила Утка Карлссон, как только Бекстрём закончил говорить.

– Плюс он еще сбежал из какого-то чертова лагеря скаутов на острове Экерён. Поэтому, пожалуй, надо поговорить и с тамошним руководством, и с его родителями, чтобы никто не заявил о его исчезновении без всякой на то необходимости.

– Ты, похоже, подумал обо всем, Бекстрём, – констатировала Анника Карлссон.

- Да и в чем проблема? – «Чем она, интересно, занимается?»
- И сейчас ты хочешь, чтобы я приехала к тебе и забрала его?
- Это было бы рационально.

– Да, действительно, – согласилась Анника Карлссон, – поскольку у тебя свои планы на вечер, где нет места маленькому соседу.

– Какое это имеет отношение к делу? – проворчал Бекстрём. – Поправь меня, если я ошибаюсь, но, по-моему, ты сегодня дежуришь.

– Ты прав, Бекстрём. Я за все отвечаю. Кроме того, ты всегда прав. Даже если ошибаешься.

– Вот и хорошо, – буркнул Бекстрём. – Значит, мы ждем?

– Увидимся через полчаса, – сказала Анника Карлссон.

«Ленивые недалекие дьяволы! – Бекстрём отложил в сторону мобильник. – И ведь обязательно надо высказаться. Откуда они все берутся?»

Хотя как раз касательно Утки он едва ли осмелился бы размышлять над ответом на этот вопрос.

«Почему всем обязательно надо становиться полицейскими?» – тяжело вздохнул он. Сам, однако, решил проявить снисхождение, предпринять пару лишних глубоких вдохов и попытаться сделать что-нибудь конструктивное в свете возникшей ситуации. Не суетиться напрасно, а начать спокойно и методично смешивать новый коктейль, а стоило ему разобраться с данным делом, и все главные проблемы обычно оказывались уже позади. Он знал это из своего богатого опыта.

А потом все как обычно. Сначала легкий ужин в гордом одиночестве в его любимом близлежащем кабаке, прежде чем он отправится в центр города, чтобы закончить публичную часть вечера в баре «Риш». Там на Бекстрёма с его суперсалями давно большой спрос. Поскольку слухи распространялись со скоростью лесного пожара, он никогда не испытывал недостатка в предложениях и мог позволить себе выбирать среди женщин, появлявшихся там с целью утолить жажду.

«Причем настроенных сделать это более чем с одной точки зрения», – подумал Бекстрём.

6

Анника Карлссон к тому моменту, когда полчаса спустя появилась дома у Эверта Бекстрёма, уже успела решить две проблемы и создать одну новую.

Еще до того, как покинула свой кабинет, она позвонила на мобильный телефон заведующему Фурухьельму, на случай если он относился к личностям, предпочитавшим проверять, откуда им звонят.

Об исчезновении Эдвина Фурухьельм пока еще не заявил, зато отправил несколько старших ребят на его поиски. Прежний опыт подсказывал, что беглецы обычно возвращались, когда голод давал о себе знать. Оставались меры дисциплинарного характера, которые он собирался предпринять, как только полиция доставит Эдвина в лагерь скаутов. Фурухьельм решительно реагировал на подобные выходы. Они противоречили основным принципам скаутского движения, во главе угла которого стояли строгая дисциплина и стремление всегда помогать товарищам.

– Как ты понимаешь, мне придется позвонить его родителям, – продолжил Фурухьельм. – С беглецами мы не церемонимся.

– А кто утверждает, что парень сбежал? – спросила Утка Карлссон. – Он обратился к нам, чтобы свидетельствовать по одному делу. Очень серьезному делу, и мы одобряем такое

его поведение. К сожалению, слишком мало взрослых поступает подобным образом, но это смелый малыш.

– Свидетельствовать? – удивился Фурухьельм. – Свидетельствовать о чем, если мне позволено об этом спросить?

– Само собой, ты можешь спросить, – мягко парировала Анника Карлссон. – Но не рассчитывай, что получишь ответ. В качестве свидетеля Эдвин помогает полиции в начатом нами сейчас расследовании преступления. Причем тяжкого преступления, и всю информацию на сей счет я хотела бы сохранить, поскольку она секретная. Это понятно?

– Да, да. Только...

Вот и хорошо, – перебила его Анника Карлссон. – Ты сможешь встретиться с Эдвином завтра утром. А также со мной и несколькими моими коллегами. И, помимо прочего, тебе придется подписать обязательство о неразглашении секретных сведений, когда мы допросим тебя самого в качестве свидетеля.

– Но как мне объяснить все его товарищам?

– Придумай что-нибудь. Не впервые ведь кто-то смылся из вашего лагеря. Подобное наверняка случалось прежде?

– Да, хотя не часто, к счастью.

– Вот и хорошо, – сказала Анника. – Мы сможем подробнее поговорить завтра.

– Завтра вряд ли получится, – возразил Фурухьельм. – У нас намечен поход, мы будем осматривать древние развалины здесь поблизости. Поэтому, к сожалению, меня не будет целый день.

– Ладно, – не стала спорить Анника Карлссон. – В таком случае я предлагаю тебе заглянуть в свой календарь, связаться со мной снова и предложить подходящее время. Но не откладывай надолго.

– Хорошо, хорошо, – согласился Фурухьельм. – Я дам знать о себе. Обещаю.

– Вот и хорошо. «А ты, как я смотрю, присмирел», – подумала Анника, заканчивая разговор.

7

Направляясь в служебном автомобиле домой к своему непосредственному начальнику Эверту Бекстрёму, чтобы разрешить проблемы, возникшие у него благодаря соседу Эдвину, Анника Карлссон успела решить вторую из них: позвонила родителям мальчика и рассказала, в какую историю их сын случайно вляпался.

Они проводили отпуск у родственников в Сконе, а поскольку их малолетнего сына предстояло допросить в качестве свидетеля по делу о возможном убийстве, существовали определенные правила, которые требовалось учитывать. Правда, Бекстрём (в чем не было ничего неожиданного) предложил другое, более практичное решение. Почему бы не позволить Эдвину послать родителям эсэмэску с веселой желтой рожицей, как он делал каждый вечер, оповещая их, что с ним все нормально, а в остальном решить вопрос через неделю, когда родители заберут его домой из лагеря?

– Не стоит ведь зря беспокоить их, – объяснил Бекстрём.

– Конечно, – согласилась Анника Карлссон. – Блестящая идея. Ты просишь его отправить смайлик. А потом сможешь допросить сам, поскольку у меня нет ни малейшего желания заполучить проблемы от омбудсмена юстиции.

– Какие мы обидчивые. Я ведь просто предложил. Ты вольна поступать как хочешь. Не собираюсь в это лезть.

– Рада, что мы договорились, – констатировала Анника Карлссон и закончила разговор.

Великая загадка, подумала она, как этому человеку вот уже тридцать лет удается удержаться на службе в полиции. И это при всем том, чем он занимается и что старательно избегает делать.

Потом Анника позвонила отцу Эдвина.

Мальчик, конечно, носил имя Эдвин, но отца его звали Слободан, а мать Душанка. Они были сербскими беженцами из Хорватии и прибыли в Швецию в начале девяностых, в разгар шедшей на их родине войны, вместе с теми членами своих семей, у которых еще имелось достаточно сил, чтобы бежать ради спасения собственной жизни. К настоящему моменту они уже давно были шведскими гражданами.

Принимая в расчет то, с чем отцу Эдвина наверняка приходилось сталкиваться на родине, вряд ли стоило опасаться возникновения у него проблемы с тем, что его сын случайно нашел человеческий череп на острове озера Меларен среди летней шведской идиллии. Пусть даже в этом черепе и имелось пулевое отверстие.

Анника Карлссон вкратце рассказала Слободану о случившемся. Он молча выслушал. Хмыкнул в знак согласия, неясно относительно чего.

– Да, вот в принципе и все, – подытожила она.

– Парень чувствует себя хорошо? – спросил Слободан.

– Никаких проблем, – заверила его Анника Карлссон. – По-моему, он считает все случившееся увлекательным приключением. А как раз сейчас сидит дома у Бекстрёма и ест бутерброды.

– Передай ему привет от меня, – попросил Слободан. – Скажи, что я думаю о нем.

– Обещаю, – сказала Анника Карлссон.

У отца Эдвина нашлось только еще одно пожелание: чтобы Анника и Бекстрём разговаривали с ним, а не с его женой.

– Не стоит волновать ее понапрасну. Ради покоя в доме, – объяснил он.

«Ох уж эти заботливые мужчины!» – подумала Анника Карлссон.

8

Анника Карлссон забрала с собой Эдвина и его маленький рюкзак из коричневой кожи плюс пластиковый пакет торговой сети «Консум», содержащий череп мертвой женщины, и поехала в здание полиции Сольны, чтобы официально побеседовать с подростком. Провести допрос согласно всем параграфам закона и соответствующего искусства. Конечно, без его родителей, но с согласия отца. Анника Карлссон вызвала дежурного социального работника присутствовать при этом, раз уж родители мальчика не имели такой возможности.

Она не хотела, чтобы социальный работник помешал их разговору с Эдвином, поэтому устроила его в соседнем помещении, откуда он мог следить за всем происходящим с помощью телевизионного экрана. Речь шла о записываемом на видео диалоге в специальной комнате, которую обычно использовали в тех случаях, когда допрашивали детей, и откуда она убрала все игрушки, предназначенные для малышей, чтобы понапрасну не смущать парня. Эдвину ведь уже исполнилось десять лет, а, насколько она помнила, это немаловажно для человека в таком возрасте.

Эдвин рассказал о своей находке и начал с того, что было ближе всего его сердцу: с различных наблюдений и выводов относительно человеческих черепов, сделанных им с помощью его изысканий в Гугле. Послушав его разглагольствования в течение пяти минут, Анника Карлссон больше не выдержала и спросила, что сказал Бекстрём, когда Эдвин излагал все это ему? О том, кем была их неизвестная жертва при жизни?

Особо не возражал, если верить Эдвину. Между ним и комиссаром обычно царило полное согласие.

– Между мной и комиссаром чаще всего нет разногласий, – констатировал мальчик.

– Ты, пожалуй, подумываешь стать полицейским? – спросила Анника Карлссон.

– Да, хотя не таким, как комиссар. Скорее, одним из тех, кто работает в криминалистической лаборатории, их еще постоянно показывают в телефильмах, – ответил Эдвин. – Просто меня очень интересуют естественные науки.

– Звучит разумно, – констатировала Анника Карлссон, не уточняя, в чем эта разумность состоит.

Закончив с самой находкой, они перешли к обстоятельствам, с которых, собственно, Анника собиралась начать. Где он обнаружил череп и как получилось, что оказался один на острове, где сделал находку? И Эдвин впервые, по крайней мере, время от времени, стал напоминать обычного маленького мальчика, которому всего десять лет.

– Кошмарное, надо сказать, местечко, – признался он.

На морской карте остров назывался Уфердсён¹, хотя представлял собой всего лишь маленький островок. Это совсем не такой большой остров, как тот, где Робинзон встретился с Пятницей. Тот-то ведь был огромный. Хотя и не скала среди воды тоже, значительно больше. Скала ведь бывает маленькой. Даже крошечной.

– Ну, это я поняла, – сказала Анника Карлссон. – Но почему его называют Уфердсён? Ты знаешь это?

– Из-за того, что он приносит несчастье. Тем, кто высаживается на него, – сообщил Эдвин, понизив голос. – Вдобавок там обитают привидения. По крайней мере, были раньше.

– Ты веришь в привидения? – спросила Анника.

– Я не знаю, – ответил Эдвин и с сомнением покачал головой. – Но если такие и есть, по-моему, они в большинстве своем добрые. Хотя, пожалуй, несчастные, поэтому и бегают повсюду, хотя и мертвые.

– Я тоже думаю, что многие из привидений добрые, – согласилась Анника Карлссон. – А этот остров, где он находится? Если плыть на лодке от лагеря скаутов?

– В пяти морских милях в направлении вест-норд-вест от него, – сказал Эдвин тоном настоящего морского скаута, каким на самом деле и был.

– Объясни, пожалуйста, – улыбнулась Анника Карлссон. – Я не особенно разбираюсь в морском деле.

Если верить Эдвину, все было очень просто. Одна навигационная или морская миля, как ее называли, равнялась 1852 метрам. Расстояние между лагерем скаутов и островом Уфердсён, следовательно, составляло целых девять километров.

– Сколько времени надо, чтобы добраться туда? – уточнила Анника.

– Если ты, например, отправишься на лодке, идущей со скоростью пять узлов в час...

– То будешь на месте через пять минут, – предположила Анника Карлссон.

– Не-а, – возразил Эдвин, не сумев толком скрыть удивление. – В таком случае это займет час.

– Да, понятно. Потом надо ведь...

– Ты хочешь знать и относительно курса? Вест-норд-вест, да? – спросил Эдвин, которого, судя по виду, одолевали сомнения, достигла ли его информация цели.

– Нет, с компасом я знакома. Этому учат всех полицейских, поскольку им надо уметь ориентироваться с его помощью. Но на суше, на природе.

– Комиссар ведь отлично разбирается в ориентировании, – сказал Эдвин.

¹ В переводе со шведского «Остров несчастий».

– Почему ты так считаешь? – спросила Анника.

– Он лучший в мире по стрельбе, – сказал Эдвин. – Однажды он застрелил в нашем доме парня, пытавшегося его убить.

– Я знаю, – согласилась Анника Карлссон, которая сама оказалась на месте событий через полчаса. – Ну да, он невероятно хорош и в ориентировании тоже. Настолько хорош, что может найти определенные места без компаса и даже с повязкой на глазах.

– Ого! – воскликнул Эдвин с расширившимися от удивления глазами. – А ты ведь типичная сухопутная крыса, верно?

– Да, – подтвердила Анника Карлссон, – самая типичная. Однако расскажи мне, как получилось, что ты попал на остров Уфердсён?

Вопрос, похоже, задел Эдвина за живое, но в конце концов он поведал, как все произошло. Заведующий лагерем, которого звали Хаквин Фурухьельм и который, по словам Эдвина, отличался не только «довольно странным именем», но и «довольно странным поведением», взял его матросом на свою собственную яхту. 37-футовую «Спаркман и Стивенс» американского производства.

– Спаркман и Стивенс – это парни, придумавшие ее, – пояснил он. – Такие посудины ужасно дорогие. Стоят миллионы долларов.

Вместе с пятью товарищами Эдвину требовалось научиться ходить под парусом на более крупном судне, чем шверботы класса «Оптимист», на которых он и его друзья обычно день за днем бороздили залив перед лагерем, тогда как Фурухьельм и его помощники стояли на причале и в мегафон давали им инструкции. Эдвин с нетерпением ждал возможности совершить более далекое путешествие на настоящей яхте. Скажем так – внести разнообразие в обычные скучные будни.

К сожалению, все закончилось не слишком хорошо. Тридцатисемифутовая громадина Фурухьельма вела себя совершенно незнакомым для Эдвина образом, будучи трансатлантическим лайнером, по сравнению с привычным шверботом. Она крутилась, вертелась и прыгала, и у Эдвина случился приступ морской болезни.

После того как мальчишку вырвало на палубу во второй раз, его высадили на остров Уфердсён, дав ему особое задание собрать как можно больше грибов, ягод и всего иного съедобного, чтобы снизить расходы на содержание лагеря. Забрать Эдвина планировали по пути домой.

– И это несмотря на тамошние привидения? – вздохнула Анника. – Да, с тобой поступили не лучшим образом.

– Уж точно, – согласился Эдвин. – Хотя Фурухьельм довольно строг с нами.

– Расскажи об этом, – попросила Анника Карлссон. «В худшем случае я смогу составить еще одно заявление».

* * *

Заведующий лагерем не слишком нравился Эдвину по трем причинам.

Во-первых, если верить тому, о чем шептались его товарищи после отбоя, прежде чем засыпали, Фурухьельм имел невероятно много денег, о чем свидетельствовала и собственная яхта. И, по словам одного из старших друзей Эдвина, богатство Фурухьельм получил от деда, старого нациста, который отнял тысячи золотых зубов у бедных евреев, убитых во время Второй мировой войны.

– Но откуда знает об этом твой товарищ? – спросила Анника Карлссон. – Звучит очень странно, на мой взгляд, Эдвин.

– От своего отца, – ответил Эдвин, кивнув уверенно. – Он работает в «Свенска Дагбладет», поэтому я думаю, все чистая правда. Мой папа говорит, это единственная шведская газета, которой можно доверять. Другие издания постоянно массу всего придумывают.

– А мне все равно это кажется ложью, – возразила Анника. – Подумай сам, Эдвин. Какой отец пошлет своего ребенка в такое место? Под начало такого заведующего? Ты еще о чем-то хотел рассказать? – добавила она.

В-вторых, Эрика беспокоило странное поведение Фурухьельма, и, в-третьих, тот говорил необычные вещи.

– Не мог бы ты привести несколько примеров? – попросила Анника Карлссон.

– Он ужасно, ужасно строгий, – сказал Эдвин.

– Приведи пример, – повторила Анника.

После вечернего кофе с булочкой, когда все стояли под теплым душем и смывали с себя соленую воду, прежде чем лечь в постель, Фурухьельм обычно ходил среди Эдвина и его товарищей и стегал их по ягодицам мокрым махровым полотенцем, чтобы они не тратили слишком много теплой воды.

– Он, вероятно, беспокоится об окружающей среде, – предположила Анника. «Или ему нравится стегать по попкам маленьких мальчиков».

– Да, возможно. Хотя он говорит еще и странные вещи, – неохотно проворчал Эдвин.

– И об этом ты не хочешь рассказывать, поскольку тебе нелегко, – догадалась Анника.

– Лучше не буду, – подтвердил Эдвин.

– Без проблем, – легко согласилась Анника Карлссон. – При том, что ты уже рассказал... Фурухьельм не выглядит добрым парнем.

– Да-а...

– Что, если сегодня ты переночуешь у меня, а утром ты, я и все другие полицейские поедем на этот остров, чтобы ты показал нам, где нашел череп?

– Супер! – воскликнул Эдвин. – Просто супер!

– Вот и хорошо, – рассмеялась Анника Карлссон. – Тогда у меня еще только один вопрос. Сколько времени понадобится, если идти от лагеря скаутов до острова Уфердсён на судне, которое движется со скоростью тридцать узлов?

– Десять минут, – ответил Эдвин. – Самое большее десять минут.

– Тогда ты сможешь сделать это утром, поскольку ты, я и все остальные отправимся на остров Уфердсён на полицейском катере.

– Ты уверена? – спросил Эдвин, широко распахнув глаза.

– Да, абсолютно уверена. И с собой мы возьмем полицейскую собаку. Пожалуй, даже двух собак. Посмотрим.

– Собака – это хорошо, – кивнул Эдвин. – Если считать, что наш нос, наше обоняние имеет величину почтовой марки, знаешь, сколь велико собачье обоняние?

– Нет, – покачала головой Анника Карлссон. – И каким же оно будет?

– Как футбольное поле, – сказал Эдвин. – Хотя носы у нас могут быть даже больше, чем у собаки.

– Это просто фантастика, – признала Анника.

– Да, – согласился Эдвин. – В такое трудно поверить.

9

После окончания допроса Анника Карлссон и Эдвин сразу направились в технический отдел и передали найденный Эдвином череп эксперту, дежурившему в этот вечер, помощнику комиссара Йорге Фернандесу. Он был сыном иммигрантов из Чили, и среди коллег его называли Чико. Без всякого злого умысла, хотя само прозвище по-испански означало Сопляк.

– Пуля находится внутри, – сказала Анника. – Если ты сможешь сразу извлечь ее и быстро дать мне предварительное заключение, я буду очень благодарна. Кстати, это Эдвин. Именно он нашел его, когда ему поручили собирать грибы.

– Немас проблемас, – ответил эксперт. – Это не по-испански, а по-сербски, если тебе интересно. Но никаких проблем. Все будет на твоём компьютере в течение часа. На улицах весь вечер царили тишина и покой. Никаких убитых или раненых. Даже ни одной гильзы, с которой требовалось бы поработать.

Он кивнул Эдвину, похлопал его по плечу и поблагодарил за помощь.

Эдвин смутился и опустил глаза в пол.

– А ты, случайно, не живешь рядом с Бекстрёмом? – поинтересовался Фернандес.

– Угу, – кивнул Эдвин, – мы с комиссаром соседи.

– Он рассказывал о тебе здесь, на работе. По его словам, ты классный парень. Если у тебя будет желание стажироваться у нас, когда пойдешь учиться дальше, я это легко устрою.

Аника Карлссон покачала головой, поблагодарила заранее за заключение, взяла с собой Эдвина и вернулась в свой служебный кабинет. Потом, пока мальчик полулежа на стуле играл в компьютерную игру на своём айфоне, она по телефону разобралась с оставшимися задачами, которые требовалось решить до следующего утра, когда она и Бекстрём должны были начать очередное расследование.

И в первую очередь составила заявление об открытии дела по «подозрению в убийстве». После чего переслала его копию шефу криминального отдела полиции Сольны комиссару Тойвонену вместе с просьбой о дополнительном персонале. Дело обещало быть трудным, ведь речь шла о неизвестной жертве и одна только ее идентификация могла потребовать немало сил.

Потом она позвонила шефу технического отдела полиции Сольны и рассказала о происшествии.

– Я сам займусь этим, – перебил он ее еще до того, как она успела попросить об этом. – Мне необходимо подвигаться после отпуска, подышать свежим воздухом. Отдохнуть от комаров, которых хватает у нас дома в Торнедалене.

– Спасибо, – сказала Анника. – Какой ты молодчина.

Последний разговор состоялся у нее с морской полицией, отвечавшей за организацию транспорта для поездки на остров Уфердсён. Никаких проблем там тоже не возникло. Один из их катеров как раз остался на ночь в Мариефреде после того, как они помогли коллегам из Сёрмланда в поисках утопленника около Стренгнеса. Анника Карлссон получила номер телефона коллеги, командовавшего им.

– Проще всего вам напрямую обсудить все детали.

– Мы практически уже на месте, – подтвердил морской полицейский, с которым она созвонилась. – Тебя устроит, если мы заберем вас с причала скаутов на острове Экерён? Скажи мне только, в котором часу.

– Как насчет девяти утра? – спросила Анника Карлссон, подумав об Эдвине и том, что ему надо хорошо выспаться.

– Любишь понежиться в постели, – констатировал коллега. – У меня нет возражений.

«А ведь девять утра – это же разгар ночи для Эверта Бекстрёма», – подумала Анника Карлссон, закончив последний за вечер служебный разговор.

Она кивнула Эдвину и улыбнулась.

Парень выглядел на удивление бодрым, хотя время приближалось уже к десяти вечера, а ему, скорее всего, пришлось рано встать.

– Как дела, Эдвин? – спросила Анника Карлссон. – Как смотришь на то, чтобы поехать ко мне домой и отдохнуть до утра?

– Это будет здорово, – ответил Эдвин. – Хотя меня интересует одно дело.

– Зубная щетка, пижама? – предположила Анника Карлссон. – Не беспокойся. Я обо всем позабочусь.

– Нет, не это, – покачал головой Эдвин. – Я все взял с собой, когда сбежал из лагеря. Лежит у меня в рюкзаке.

– Что же тогда? – спросила Анника Карлссон. Эдвин явно был предусмотрительным молодым человеком.

– Меня интересует, не сможем ли мы остановиться по пути и купить гамбургер. Я немного голоден.

– Само собой, сможем, – улыбнулась Анника Карлссон. – Кроме того, я угощаю. Ты предпочитаешь «Макдоналдс» или «Макс»?

– «Макс», – ответил Эдвин. – «Макс» делает лучшие гамбургеры в мире. И знаешь почему?

– Нет, расскажи.

– У них секретный рецепт, – объяснил Эдвин, наклонившись к ней и понизив голос. – Ужасно секретный, хотя, если хочешь, я могу открыть его тебе. Только пообещай никому не говорить. Мой папа рассказал мне об этом.

– Да, конечно. Обещаю, – сказала Анника.

– Владелец «Макса». Он ведь лопарь. Да, или саамец, как это называется, – начал Эдвин.

– Лопарь? Хотя саамец?

– Но ведь нельзя говорить лопарь, – объяснил Эдвин.

– Да, я знаю, – кивнула Анника. – И что там с саамцем, владеющим «Максом»?

– У него масса лисиц. Просто невероятное количество. И, готовя фарш для своих гамбургеров, он всегда добавляет в него несколько кусочков лисьего мяса. Именно поэтому его бургеры становятся такими вкусными. Хотя это страшный секрет.

– Я обещаю никому ничего не говорить, – заверила Анника. «Едва ли отец Эдвина прочитал об этом в «Свенска Дагбладет», – подумала она.

Эдвин умял свой гамбургер за те пять минут, пока они ехали до дома, где жила Анника Карлссон, и облизал майонез с пальцев, пока она парковалась около подъезда.

«Интересно, куда девается вся эта жратва, – подумала Анника Карлссон. – Дома у Бекстрёма он съел далеко не самый маленький бутерброд. Примерно такого типа и размера, какие довели до могилы Элвиса Пресли. А сейчас, всего через пару часов, расправился с гамбургером самого большого размера. И по-прежнему худой как червяк, хотя только что проглотил козу. Или скорее лисицу.

Пока Анника Карлссон стелила Эдвину на диване в своей гостиной, он исчез в ванной. Судя по звукам, мылся и чистил зубы. А через пять минут вернулся, одетый в синюю пижаму, на которую кто-то, вероятно его мать, пришил эмблему морских скаутов.

«Слишком взрослый по сравнению с Бамси», – подумала Анника Карлссон. У нее были племянники и племянницы, и ее частенько просили присмотреть за ними.

Эдвин отказался от одеяла, которое она предложила ему. Достаточно было простыни. Потом он отключил свой мобильный телефон и положил его на придиванный столик рядом с собой.

– Я сплю там, – сообщила Анника Карлссон и кивнула в сторону открытой двери спальни. – Если тебе что-то понадобится, только скажи.

«Он ведь как-никак нашел череп застреленного человека, и ему только десять лет», – подумала она.

– Угу, – буркнул Эдвин, моргнул и уронил голову на подушку.

– Обещаю не храпеть, – сказала Анника Карлссон, улыбнулась и наклонилась над ним. Никакого ответа. Эдвин уже спал.

«В мгновение ока заснул», – подумала она удивленно.

В эту ночь у нее самой возникли проблемы со сном. Раньше этого с ней почти никогда не случалось совершенно независимо от того, с чем приходилось сталкиваться по работе до того, как она отправлялась в постель. Сначала она дремала, пребывая между сном и полузабытьем. Спустя час встала и на цыпочках прокралась в гостиную. Там было тихо. Эдвин спал. Безмятежно, лежал на боку, наполовину скинув с себя ногами простыню и прижав к животу подушку. Она даже не смогла разглядеть, дышит ли он.

«Черт побери, Анника, – подумала она, когда стояла и смотрела на него. – Возьми себя в руки. Никаких детей. Запомни».

Потом она вернулась в свою кровать. Заснула сразу же и проснулась шесть часов спустя. Эдвин по-прежнему спал. С потным лбом, сбросив с себя простыню, но все еще с подушкой у живота.

«Пожалуй, нужно приготовить хороший завтрак», – подумала Анника.

10

Пока Анника Карлссон разбиралась с практическими делами полицейского свойства, Бекстрём ради простенького ужина посетил свой любимый кабак. Он находился совсем близко к дому комиссара, и прогулка до него давно стала чуть ли не обязательной частью его ежедневного моциона. Однако о том, чтобы добраться туда с завязанными глазами, у Бекстрёма никогда и мысли не возникало.

Никаких особых изысков, поскольку был обычный будний день. Сначала тост с икрой уклейки и крабовым салатом, затем ломоть жареной свинины с прослойками жира и толстым куском кожи, на гарнир к которому он вместо положенного французского овощного рагу взял свежий шведский картофель с чесночным маслом. Плюс ко всему этому его обычные напитки: чешское пиво и русская водка. Незатейливая вечерняя трапеза в конце еще одного дня жизни комиссара криминальной полиции.

И, предаваясь ей, он размышлял о своем детстве, и, вероятно, именно последняя встреча с Эдвином пробудила старые воспоминания. Ведь Бекстрём когда-то тоже принадлежал к скаутскому движению. Исключительно с подачи своего папаша, страдавшего безмерным пристрастием к алкоголю старшего констебля, вбившего себе в башку, что благодаря этому ему удастся сделать из Эверта достойного сына шведского народа.

В результате у Бекстрёма, который тогда был не намного старше Эдвина, не осталось выбора. Иначе он, конечно, предпочел бы болтаться дома в Сёдере. Занимался бы всякой чертовщиной в квартале, где жил. Воровал бы из близлежащей табачной лавки с практически слепым владельцем, курил бы тайком и гонял на мопеде, хотя ему было всего одиннадцать лет.

Обычно летом для него наступала золотая пора, ведь ему не требовалось ломать голову даже над тем, как прогулять школу, но только не в тот год, когда отец насильно записал его в скауты и позаботился о том, чтобы уже через неделю после окончания учебы он оказался на острове Тюресё. Буквально на окраине цивилизации.

Однако прежде, чем он попал туда, ему, уже одетому в новенькую синюю униформу, пришлось дать клятву скаута. Пообещать исполнять свой долг перед Господом, его величеством и Родиной, всегда помогать другим людям, а в остальном строго следовать всем правилам, в связи с принадлежностью к скаутам распространившимся на него. Отец сам отвечал за принудительную доставку Эверта и лично передал своего отпрыска заведующему лагерем. И будь Эверт Бекстрём другим человеком, все могло бы закончиться для него по-настоящему плохо.

Но ему удалось добиться исключения из скаутов уже в течение первой недели, что стало рекордом для их отделения на острове Тюресё, которое еще до прибытия туда Бекстрёма считалось далеко не эталонным в шведском скаутском движении с точки зрения морали.

С собой Бекстрём привез кучу контрабанды вроде рогатки, финки, пары мышеловок довольно крупной модели, а также жевательный табак и сигареты, плюс приличную стопку порножурналов, украденных им у хозяина табачной лавки. Короче говоря, он имел с собой все необходимое, чтобы призвать к порядку новое окружение и вдобавок заработать немного денег, раз уж ему все равно пришлось туда приехать.

Поэтому он уже в первые сутки организовал среди новых товарищей кружок любителей чтения. В обмен на наличные они могли теперь смаковать привезенные Бекстрёмом печатные издания. И несмотря на все обещания, данные ими о том, что они находились там исключительно с целью выполнять свои обязательства в отношении Господа, его величества и Родины, спрос на его товар превысил самые смелые ожидания начинающего предпринимателя.

Один из новых друзей Бекстрёма, который был на пару лет старше его, уже за несколько дней потратил все присланные ему карманные деньги. В обычном случае их хватило бы на все лето, но сейчас они подошли к концу после трех дней интенсивного знакомства со специфическими изданиями, а обнищав, он уже не мог рассчитывать ни на чью помощь.

Нет наличных, нет чтения, объяснил ему Бекстрём и помотал своей круглой головой, после чего его самый крупный клиент сломался. Он прямой дорогой направился к заведующему лагерем, насплетничал на Бекстрёма и со слезами на глазах признался, как тот использовал его самого и его пагубную страсть.

Заведующий, уже ранее обративший внимание на Эверта, не стал долго ждать. Его исключили из скаутов за недостойное поведение и нарушение законов братства, и уже в выходные старший Бекстрём приехал на остров Тюресё и увез своего единственного сына домой в Сёдер. Журналы он конфисковал, и они, надо полагать, в конечном счете оказались в кафетерии полицейского участка района Мария, но рогатку и все другое Эверту удалось сохранить в обмен на обещание уюкошить соседского кота, который мешал папочке спать по ночам.

«Парень мог стать сексуальным извращенцем, и вполне возможно, я предотвратил преступление, не позволив ему читать дальше», – пришел к выводу Бекстрём пятьдесят лет спустя и, предвкушая удовольствие, пригубил содержимого своего бокала.

Детские воспоминания – хорошие воспоминания, подумал он, а потом решил, что пора заказать кофе с коньяком перед тем, как он продолжит вечер визитом в центральные районы столицы королевства.

Еще до того, как ему принесли на оплату счет, он получил эсэмэс от Анники Карлссон, нарушившее его душевное равновесие настолько, что ему пришлось заказать еще порцию коньяку перед уходом.

Сбор в восемь, считай в разгар ночи. Если он хотел успеть позавтракать, разобраться с личной гигиеной и одеться, ему следовало встать еще до шести утра.

«Забудь об этом», – сказал себе Бекстрём и покачал головой. Он допил последние капли коньяка, оплатил счет, заказал такси и поехал в сторону площади Стуреплан с ее многочисленными кабаками.

11

Дальше для комиссара Бекстрёма все пошло по проторенной дорожке.

Сначала он заглянул в Стурехоф, чтобы слегка утолить жажду на пути к конечной цели вечера. Заведение было заполнено максимум наполовину. Главным образом селянами старше

среднего возраста, которые проводили в Стокгольме отпуск. Миновали Уллared на пути сюда и, воспользовавшись случаем, приделались перед визитом в столицу.

Ему тут особо делать нечего, решил Бекстрём. Он расплатился за пиво, еще только получив его, и удалился даже не притронувшись к нему.

«Трагично, – подумал он, выйдя на улицу. – Что не так, если не тебе льняной костюм с иголки, итальянские туфли ручной работы и обычный «ролекс»?»

Пять минут спустя, примерно когда Утка Карлссон уложила маленького Эдвина и наконец заснула в своей квартире в Фильмстадене в Росунде, Бекстрём расположился в баре «Риш», и все снова пошло по заведенному порядку.

Здесь он позволял себе принимать ухаживания и угощения в виде порций коктейля от прочей публики. Здесь его суперсалями, тайная мечта всех женщин, пользовалась заслуженной популярностью и имела самую высокую репутацию, на какую только могла рассчитывать торговая марка. Никакого сравнения с «вольво». Кто захочет кататься на заднем сиденье этого ныне китайского автомобиля, когда имелась возможность лежать в бекстрёмовской кровати фирмы «Хестенс» и сразу оказаться на седьмом небе удовольствия, только оседлав ее.

«Не слишком многие в данном заведении удостоятся этого», – подумал Бекстрём, поскольку вокруг него постоянно толпились новые любительницы путешествий, отправившие мужей и детей за город и жаждавшие раздобыть себе билет в место, где еще не бывали.

Кстати о торговой марке, продолжал философствовать Бекстрём. ИКЕА ведь также не шла ни в какое сравнение, несмотря на все деньги, заработанные ими за счет продажи книжных полок, которые требовалось собирать самостоятельно. Кроме того, только идиоты читали книги. Настоящие люди, вроде него, жили в силу собственного опыта. А если кому-то не нравилось, чем они дышали, кого это, собственно, волновало?

Хорошей жизни не научишься с помощью чтения, и уж точно ее не сохранишь, как книгу на полке типа «Билли» от ИКЕА. Там обычно стояли пособия по похудению и руководства о том, как помочь самому себе открыть фирму, купить собаку или стать цельным человеком, попеременно с детективами и женскими романами. Во всяком случае, у всех идиотов, не умевших заработать себе на нормальное существование и не имевших средств даже на настоящую английскую полку из кедра или палисандра.

А Бекстрём использовал именно такую. Ее установили у него в кабинете для хранения большой и постоянно растущей коллекции миниатюрных бутылок с алкогольными напитками из всех уголков мира. Книжки, сколь бы кто-то ни распиался об их великой роли, были средством наслаждения для лузеров. Сам он завязал с ними, как только понял, что его старый любимый писатель, единственный достойный места на шведском Парнасе, явно пережил душевный кризис и начал писать романы для педиков.

«Что не так было с Хамильтоном? – подумал Бекстрём. – Борьба за высшую справедливость, не говоря уже о защите государственной безопасности, требует не останавливаться на полумерах и не слишком-то обращать внимание на закон, когда занимаешься тем, что равносильно самоубийству».

Это он знал по собственному опыту.

Конечно, его бывший коллега Хамильтон случайно убил свою подругу из-за некоего профессионального заболевания, заработанного им за годы службы, но подобное ведь может случиться в критической ситуации и с лучшими, а сам он в своей жизни сталкивался с вещами и похуже.

«Все это возвышенные размышления, на которые легко скатиться, имея философский склад ума», – пришел к выводу Бекстрём и кивнул самому себе, попивая водку с тоником и вполуха слушая то, что все молодые дамы нашептывали ему.

Бекстрём покинул бар «Риш» перед самым закрытием, будучи в полном порядке. Конечно, ночь только начиналась, но через несколько часов его ждал новый рабочий день, наполненный всякой всячиной. А поскольку он был человеком, отвечавшим за свою репутацию, прихватил с собой нечто для себя новенькое. Маленькую дамочку-юриста с живыми глазами и пикантной щелью между передними зубами, работавшую в налоговом департаменте. И если бы она не справилась со скачками на суперсаями, он вполне мог использовать ее в другой связи. Пожалуй, она смогла бы дать ему совет о том, как не попасть в жернова той деятельности, которой занимались ее работодатели.

Час спустя, после окончания обязательной программы, он даже оплатил такси, чтобы оно отвезло ее домой в пригород. Сама она оказалась на шестерку по десятибалльной шкале, однако определенно не стоила бесплатной поездки. Возможно, она удостоится повторного визита к обладателю кровати «Хестенс», если все равно будет проезжать мимо и оплатит транспорт сама. Легкий поцелуй в щеку, только в щеку, чтобы в ее головке не возникло никаких фантазий, затем быстрое «пока, пока», а самого его ждало расследование убийства.

«Долг зовет», – подумал Бекстрём, тщательно запер за дамой дверь и, вернувшись в свою постель, сразу же заснул.

12

Бекстрём проснулся примерно тогда, когда Анника Карлссон послала ему свое второе эсэмэс без пятнадцати восемь в среду утром: «Ты с нами или нет? Мы выезжаем через четверть часа».

Бекстрём вздохнул, покачал головой и отправил короткий ответ: «Собственным транспортом. Увидимся на месте находки».

«Даже она должна ведь иметь какое-то понятие, и что случилось со стародавней вежливостью и корректностью? – подумал он. – Ведь я же ее шеф». Потом комиссар позвонил одному из своих старых знакомых таксистов, пообещал обычное вознаграждение и договорился о встрече через час.

После этого он основательно позавтракал, приготовил пакет с едой и всевозможное снаряжение и только затем направился в ванную, чтобы позаботиться о личной гигиене и одеться. Наконец он упаковал все необходимое для поездки: запас продуктов, резиновые сапоги, подходящую одежду. Крем от комаров, абсолютно необходимый, когда находишься за городом. Дополнительный бутерброд и напиток для малыша Эдвина. Аннику Карлссон он в расчет не брал. Хуже ведь не станет, если, забыв еду, она умрет от голода. Плюс все иное, конечно, что всегда брал с собой, покидая квартиру: маленькую черную записную книжку, где делал рабочие записи, «ролекс» в металлическом корпусе, который использовал на службе и в полевых условиях, деньги и карточки, два мобильных телефона, ментоловые таблетки и маленькую фляжку, которую хранил в специально пришитом кармане пиджака. И наконец, своего друга Зигге в компании с дополнительной обложкой.

Такси уже ждало его, когда он вышел на улицу. Бекстрём сел на заднее сиденье, как обычно делал, чтобы не вдохновлять водителя на пустую болтовню.

– Как приятно возить комиссара, – сказал тот, однако явно не поняв намека. – Куда комиссар желает поехать?

– В Каролинскую больницу, – буркнул Бекстрём.

– Надеюсь, не случилось ничего серьезного.

Чертов идиот повернулся и посмотрел на него.

– В полной тишине, – добавил Бекстрём. «Идиоты. Откуда берутся все эти придурки и почему им нет конца?»

Анника Карлссон взяла с собой массу всего и, хотя считала, что распланировала все в деталях, задержалась на целых полчаса, прежде чем, вместе с малышом Эдвином и еще полуджиной коллег на трех автомобилях, наконец смогла покинуть здание полиции Сольны. Она была немного раздражена, но Эдвин не замечал этого, его глаза светились от восторга. Единственное, что его интересовало, – куда направился комиссар.

– Он конечно же приедет туда, – сказала Анника Карлссон. – Ты наверняка скоро сможешь с ним встретиться.

– Вот здорово! – воскликнул Эдвин. – Жду не дождусь этого.

«Ты уже забыл, кто накормил тебя завтраком и дал чистую одежду утром», – подумала Анника, переживая легкий приступ ревности. Неужели никто никогда не прибудет этого жирного коротышку?

Из-за обычных пробок на выезде из города они задержались еще на полчаса, и, когда наконец припарковались у базы скаутов в дальнем конце острова Экерён, отставание от запланированного графика составляло целый час. Лагерь оказался пустым. Заведующий и большинство воспитанников отправились на автобусе на остров Хельгё с целью посетить развалины городища эпохи викингов. Остались только двое старших парней, чтобы следить за порядком, а также попробовать починить лодку, которая днем ранее села на мель во время тренировок и потеряла руль.

Парни, судя по их виду, сгорали от любопытства, но ни один из них не задал вопроса. Даже своему товарищу Эдвину, хотя он принадлежал к самым маленьким из тех, кто находился в лагере. Эдвин также не позволил себе ничего лишнего, только отдал честь на скаутский манер правой рукой и с большим пальцем, прижатым к мизинцу, прежде чем промаршировал в направлении ожидавшего полицейского судна.

Как только они отчалили, Анника Карлссон принесла извинения коллеге, командовавшему катером.

– Ничего страшного, – улыбнулся он.

Если не случится ничего срочного, он и его экипаж все равно должны были находиться в их распоряжении целый день, так что о возвращении ей тоже не стоило беспокоиться.

– Насколько я понимаю, речь идет об обнаружении трупа, – сказал он, понизив голос и покосившись на Эдвина.

– Черепа, – уточнила Анника Карлссон. – Но в нашем случае, похоже, он далеко не древний.

Больше ей в принципе нечего было сказать.

– И пацан нашел его, когда его послали собирать грибы?

– Да, но, на мой взгляд, он, похоже, нормально с этим справился. Для него это стало просто увлекательным приключением.

– На острове Уфердсён приключений хватает, – проворчал коллега и покачал головой. – Вы знаете, почему он получил свое название?

– Если верить Эдвину, из-за обитающих там привидений, – сказала Анника и улыбнулась.

– Наверняка все так и есть, но согласно истории не только из-за них.

– Расскажи, – попросила Анника Карлссон.

В старые времена, а точнее вплоть до конца девятнадцатого века, местные крестьяне летом использовали остров для выпаса домашних животных: коров, овец и коз, иногда той или иной лошади, которой требовалось отдохнуть от плуга. Их перевозили туда, как только остров покрывался травой. Не большой остров, скорее островок площадью едва ли в сто гектар, но достаточный для этого. Корма с лихвой хватало для десятка коров и значительно большего

количества коз и овец. Живописный пейзаж вдобавок ко всему. И так продолжалось в течение многих поколений, пока уже более сотни лет назад не начали происходить события, из-за которых остров Бетесхольм поменял свое название на Уфердсён.

– В конце девятнадцатого века, в 1895 году по-моему, молния попала в находившийся там деревенский дом, в нем сгорели две смотревшие за животными работницы. А на следующее лето все стадо, всех коров и их телят, поразила какая-то таинственная болезнь. Они мёрли как мухи. Возможно, съели что-то ядовитое, но на том все не закончилось.

– Что же еще случилось? – спросила Анника.

– Решили забрать домой выживший скот. Для переправы имелся так называемый коровий паром...

– Коровий паром? – перебила собеседника Анника Карлссон. – Ты должен объяснить. Подумай о том, что говоришь с типичной сухопутной крысой.

Коллега улыбнулся дружелюбно:

– Ничего общего с тем, что ты можешь увидеть на выставке яхт и судов сегодня. Проще всего это можно описать, как очень большую деревянную плоскодонку. Конечно с высокими надводными бортами, но не слишком надежное плавсредство...

– Я знаю, что такое надводный борт, – оживилась Анника Карлссон.

– Хорошо, ну, и оно было достаточно большим, чтобы вместить десяток коров и телят. Однако, когда стали перевозить выживших животных, начался шторм, который застал их посередине пути. Сам крестьянин и помогавший ему работник, все коровы и телята утонули. Если верить легендам, что до сих пор бытуют среди местных жителей, их выбросило на сушу, и трупы лежали на берегу острова Экерён на протяжении нескольких километров. Тогда все поняли, что люди нежеланные гости на острове Бетесхольме. Злые силы забрали его себе, и в результате он получил новое название Уфердсён. Все согласно устной традиции. И на мой взгляд, в этом есть доля истины, – с усмешкой подвел итог ее коллега.

– В наши дни на них были бы спасательные жилеты, – заметила Анника Карлссон.

– Но не в то время. Плавать они также не умели, – констатировал ее коллега. – Пусть и прожили у воды всю жизнь. Простой народ никогда не купался в те времена. Этим занимались только богатые люди, выезжая в свои загородные резиденции летом. Мелерен не игрушка, да будет тебе известно.

– А как все обстоит сегодня на острове Уфердсён?

– Не самое гостеприимное местечко, там нет ни пляжей, ни утесов, ради которых захотелось бы высадиться на берег. Непроходимые джунгли. Ты видишь его, кстати, прямо по курсу, – сказал он и жестом показал на маленький кусок суши, находившийся на расстоянии примерно в километр.

Кусты и редколесье, начинавшиеся от самой воды, одинокие сосны и ели, которые возвышались над прочей растительностью в более возвышенных внутренних частях острова.

Далеко не самый приятный пейзаж, и что это за взрослый, которому пришлось в голову высадить десятилетнего ребенка в таком месте, подумала Анника Карлссон. Только за то, что тот наблевал на палубе его красивой яхты.

– Тебе надо обойти мыс, чтобы причалить, – сказал Эдвин, внезапно появившийся словно ниоткуда.

– Да, да, сэр, – ответил командир катера и улыбнулся мальчику.

– Я пометил дорогу до места, где нашел ее, – сообщил Эдвин. – Я сделал это по пути назад. И оставил еловую ветку там, где она лежала.

– Ты молодец, парень, – сказал командир катера.

– Спасибо. – Эдвин отдал честь правой рукой с большим пальцем, прижатым к мизинцу.

Они обогнули мыс, чтобы подойти к месту, где требовалось причалить, и там сидел он.

13

Бекстрём плохо переносил воду во всех ее формах, и поездка на лодке относилась к тем занятиям, которые он предпочитал избегать. Плавать он научился лишь во взрослом возрасте, исключительно по необходимости, поскольку иначе его не взяли бы в школу полиции, и о том, какой ценой ему это далось, никогда никому не рассказывал.

Когда такси доставило Бекстрёма к Каролинской больнице, полицейский вертолет уже стоял на площадке, устроенной на крыше одного из ее зданий, и ждал его. Они взмыли вверх к голубым небесам, и когда комиссар увидел колонну из трех знакомых ему машин, двигавшуюся далеко внизу по острову Экерён в том же направлении, что и они, его сердце наполнилось радостью.

«Странно, что таким, как Анника Карлссон, вообще удастся вставать по утрам», – подумал он.

Двадцать минут спустя он приземлился на острове Уфердсён, поблагодарил своего знакомого из вертолетного дивизиона и пообещал в ближайшее время отправить ему обычную оплату за проезд в виде бутылки шотландского виски.

В качестве первой меры после приземления он поставил свой складной стул в достаточно затененном месте с целью избежать воздействия палящих солнечных лучей, но одновременно так, чтобы приятный легкий бриз с озера не обошел его своим вниманием. Затем он открыл холодный тоник и добавил в него приличную порцию содержимого своей фляжки, после чего сделал первую запись в черной книжке.

«Среда 20 июля, время 09:45. Подозрение на убийство. Приземлился на месте находки на острове Уфердсён озера Меларен».

Только потом он достал свежий номер «Дагенс Индастри», чтобы в тишине и покое ознакомиться с последними изменениями на бирже.

И если верить газете, одним из самых успешных новичков там была игровая компания, акции которой его друг Гегурра помог ему купить. Ее котировки поднимались как на дрожжах, в чем комиссар не видел ничего особенно странного, поскольку данная деятельность осуществлялась на тех же принципах, как и его собственного кружка чтения в ту летнюю неделю уже скоро пятьдесят лет назад, когда он сидел в заключении в лагере скаутов на острове Тюресё, и его самыми верными клиентами были разные извращенцы.

«Не надо кончать Колумбийский университет, чтобы просчитать это, – подумал Бекстрём. – У них, наверное, черная дыра на самом верху, где у нормальных людей находится голова. – Он неодобрительно покачал головой. – Их жены и дети умирают от голода, а они проигрывают все домашние сбережения и даже продают детские вещи и игрушки через Интернет. Надо же до такого дойти».

Все находящиеся на борту обнаружили его, по большому счету, одновременно. И все на борту, с единственным исключением, обрадовались как дети. И больше всех Эдвин, который ведь и был ребенком.

– Комиссар! – закричал он, показывая на него и буквально излучая восторг.

А Бекстрём сидел с непроницаемой миной, словно и не заметил, что теперь не один, хотя наверняка услышал их с дальнего расстояния. Удобно откинувшись на спинку складного стула и читая газету. Носки и обувь он снял, чтобы охладить ноги в волнах озера Меларен. Комиссар Эверт Бекстрём, одетый в синий льняной пиджак, белые брюки для морских прогулок, соломенную шляпу наподобие панамы и солнечные очки.

«Я утоплю этого идиота, – подумала Анника Карлссон. – Если никто другой не захочет сделать это, придется мне самой. И на Ниemi, похоже, нельзя больше положиться. Даже он улыбнулся и восторженно покачал головой».

14

– Я уже начал беспокоиться. – Бекстрём посмотрел на свои наручные часы и дружелюбно улыбнулся Аннике Карлссон. – Вдруг с вами что-то случилось.

– Сам ты, как я понимаю, добрался сюда вплавь, – ответила Анника Карлссон, прекрасно зная, что подобное было совершенно для него невозможно.

– Нет, – сказал Бекстрём. – Меня подкинули на вертолете. Но, по-моему, я об этом предупредил. Хочется прибыть вовремя, как ты понимаешь. Все-таки речь идет о расследовании убийства. Как дела с парнем, кстати? – спросил он и кивнул Эдвину, который был занят тем, что гладил полицейскую собаку.

– Пока, похоже, с ним все нормально. Произошедшее кажется ему увлекательным приключением, никаких кошмаров ночью.

– Он спал у тебя дома, – скорее констатировал, чем спросил Бекстрём.

– Да, – подтвердила Анника Карлссон. – А ты как думал? Я же не могла оставить его ночевать в камере в Сольне или отвезти назад в лагерь скаутов среди ночи?

– Само собой, я ничего подобного не думал, – заверил ее Бекстрём. – Лишь немного беспокоился за него. Парнишке ведь только десять лет, а когда сталкиваешься с такими вещами, и взрослому порой бывает несладко.

– Судя по моим впечатлениям, он не хочет назад в лагерь. Мы разговаривали об этом за завтраком, – сообщила Анника. «Хотя какая тебе разница».

– Лагерь все равно закрывается через несколько дней, – сказал Бекстрём. – Вопрос только в том, где...

– В эту ночь он может спать у меня, – перебила его Анника Карлссон. – Мы даже планировали вечером пойти в парк развлечений Грёна Лунд. Эдвин грозился победить меня в пятиборье. Потом родители должны приехать и забрать его.

– Звучит разумно, – согласился Бекстрём. – Кто позвонит им, ты или я?

– Можешь быть абсолютно спокоен, Бекстрём, я позабочусь и об этом тоже.

«Уж он-то точно ничем заниматься не будет», – подумала она.

– Есть еще одно дело, – сказал Бекстрём. – До того, как ты пришла ко мне вчера... пока он сидел и ел бутерброд... рассказал о главе скаутов. У него еще такое странное имя...

– Хаквин Фурухельм, – напомнила Анника. – Я разговаривала с ним по телефону вчера вечером, чтобы не разыскивал парня напрасно. И что там с ним?

– Я хочу, чтобы ты допросила его. В качестве свидетеля, и не слишком с ним церемонься.

– По-твоему, он замешан в этой истории?

– Нет, – покачал головой Бекстрём. – Я и представить не могу, что он имеет какое-то отношение к нашему черепу.

– Зачем мне тогда его допрашивать?

– Все эти вожаки скаутов вызывают у меня не лучшие ассоциации, – сказал Бекстрём и кивнул в знак подтверждения своих слов. – Довольно плохие, точнее говоря.

– Эдвин рассказал тебе о золотых зубах?

– Каких золотых зубах? – спросил Бекстрём удивленно.

– Забудь об этом, – махнула рукой Анника.

– Мои ассоциации, связанные с вожаками скаутов, главным образом имеют отношение к моим собственным детским переживаниям.

– У тебя есть желание рассказать об этом?

– Нет, но та история оставила глубокую рану в моей душе. Однако она не из таких, о чем ты захотела бы слушать. Да о подобном и не рассказывают.

«Неужели все так просто?» – подумала Анника Карлссон и ограничилась лишь кивком.

15

Петер Ниemi взял бразды правления в свои руки. Сначала он поговорил с Эдвином, и тот показал на карте место, где нашел череп.

– Это в том направлении. – Эдвин показал в глубь острова. – Не более ста метров отсюда. Когда я нашел... нашел его, значит... помечал дорогу, возвращаясь сюда. Здесь ведь они обещали забрать меня, и я подумал, что будет легче вернуться потом.

– Да, это было разумно с твоей стороны, – похвалил Ниemi.

«Хотя ты, парень, немного бледноват».

– Да, потом еще я воткнул еловую ветку там, где он лежал, срезав ее с дерева.

– Абсолютно правильно, Эдвин, – снова одобрил его действия Ниemi. – Я тоже так сделал бы. Обычные люди не понимают, как трудно бывает снова найти такие тропки.

– Вот и хорошо. – Эдвин, судя по его виду, испытал явное облегчение.

– На том месте, где он лежал... Ты искал вокруг? Чтобы проверить, не найдешь ли ничего больше?

– Я заглянул в лисью нору, она находится как раз там, но не увидел ничего. Скелета или чего-то такого. Потом я немного поискал вокруг. Но также ничего не нашел.

– И тогда ты пошел назад, – предположил Ниemi. – И помечал дорогу.

– Да, – подтвердил Эдвин. – Хотя сначала я положил череп в мой рюкзак, поскольку не собирался рассказывать никому другому, кроме комиссара.

– Разумно с твоей стороны. – Ниemi похлопал его по плечу. – Как смотришь на то, чтобы пойти со мной и другими и снова взглянуть на то место, где он лежал? Справишься?

– Да, – подтвердил Эдвин. – Без проблем. Хотя тогда было страшно. Пока остальные не пришли на яхте и не забрали меня.

– Но сейчас тебе не о чем беспокоиться. – И Ниemi похлопал его по плечу снова. – Мы справимся со всем, ты и я.

– Да, – согласился Эдвин.

Затем Ниemi раздал всем карты и показал двум молодым парням из полиции правопорядка, которых они взяли с собой из участка в Сольне, как им оградить территорию вокруг места, где они причалили. Потом он попросил коллег из морской полиции обойти на катере вокруг острова и осмотреть берега.

– Хорошо. – Ниemi повернулся к остальным. – Мы поступим следующим образом. Я с Эдвином, мои коллеги из технического отдела плюс наш кинолог сначала все проверим. Те, кто уже получил задания, займетесь ими. Ты, Бекстрём, и Анника подождете, пока я не позову вас. Потом пойдете к красной ленте, виднеющейся на березе там вдалеке. Это Эдвин повесил ее, когда был здесь вчера.

– Мы пока ждем, – сказал Бекстрём и кивнул вслед коллегам, исчезавшим среди кустов.

– Объясни мне, почему так много чертовых комаров именно здесь, мы же стоим у воды. Опять же они размером с воробьев. – Анника Карлссон прихлопнула пятого из тех, которые, судя по пятнам крови, уже успели атаковать ее.

– Будет еще хуже, как только мы сунем нос туда, – проворчал Бекстрём в качестве утешения и кивнул в направлении первой ленточки. – Остаться в таком месте в коротких брюках и безрукавке равносильно самоубийству, – заметил он, сочувственно кивнув на шорты Анники и ее блузку с короткими рукавами.

– Вот как, – сказала Анника, убив еще одного комара, сосавшего кровь из ее коричневого от загара бедра.

– Тебе следовало подумать об этом. – Бекстрём озабоченно покачал головой.

– Да, конечно. Хотя я не сделала этого.

– Никакого средства против комаров ты конечно же тоже не взяла с собой, – констатировал Бекстрём с невинной миной, сунув руку в свою туристическую сумку.

– Нет, к сожалению.

«Сейчас ты должна воспользоваться случаем», – подумала Анника Карлссон. Что, собственно, ей мешало? Никаких свидетелей поблизости.

– Ты можешь взять у меня, если хочешь, – предложил Бекстрём и достал маленькую зеленую пластмассовую бутылочку. – Это масло для джунглей. Я предпочитаю его при таких экспедициях. Очень эффективно действует, кроме того, на удивление хорошо сочетается с лосьоном после бритья.

– Спасибо. – Анника Карлссон взяла у него средство от комаров.

«Ты только что спас себе жизнь», – подумала она.

– Ах, ерунда, – произнес Бекстрём с легким вздохом. – Скажи мне, если захочешь пить. У меня есть минералка, тоник и кола. Но я боюсь, ничего покрепче.

Ниemi и другие полицейские двигались за Эдвином и, судя по прежним следам, шли по старой звериной тропе. И это соответствовало наблюдениям, сделанным Эдвином днем ранее. Если верить ему, на острове обитали кабаны. И было их немало, судя по многочисленным следам, которые он обнаружил, пока искал грибы и ягоды.

Ниemi ограничивался кивками, внимательно изучая окружающую их местность.

«Чистые джунгли, нам будет нелегко», – пришел он к выводу. Непроходимые кустарники, плотные заросли берез, орешника и осин, низкорослые сосны и ели, чьи нижние ветки касались земли, ковер из ягодников – черники и брусники. Топкие участки, чередующиеся с просто пропитанной водой почвой, где залегавшая ниже скальная основа нигде не выходила на поверхность.

– Сейчас двадцать метров осталось, – прошептал Эдвин, схватив Ниemi за предплечье. – Ты же просил предупредить об этом, – добавил он.

– Хорошо, Эдвин, – сказал Ниemi, кивнул кинологу, и тому понадобилось лишь одно движение рукой, чтобы его овчарка отправилась в путь по тропинке впереди них и исчезла среди кустов.

Всего через несколько секунд они услышали ее лай. Самое большее в двадцати метрах от них, поскольку они все еще видели красный шнур, который кинолог прикрепил к ошейнику собаки перед тем, как отпустил ее.

– Так мой Сакко лает, когда находит мертвечину, – констатировал хозяин овчарки.

Сакко лежал на земле в полуметре от еловой ветки, торчавшей из ягодного куста. В паре метров в стороне находилась лисья нора, о которой рассказывал Эдвин. Плавно закругленный холм, поросший кустарником, на пару метров возвышавшийся над окружающей территорией.

– Умный пес, – сказал его хозяин и погладил собаку.

– Теперь у тебя два свидетеля, – констатировал он и кивнул Ниemi. – Присутствующий здесь Эдвин и мой Сакко, сейчас подтвердивший то, что Эдвин рассказал нам.

– Его голос звучит радостно, – заметил Эдвин.

– А он и радуется, – подтвердил кинолог, положив руку на плечо мальчика. – Все из-за того, что собаки думают не так, как мы с тобой и все другие люди.

– Я знаю. – И Эдвин кивнул с серьезной миной.

Через полчаса Ниemi связался с Анникой Карлссон по рации. Если они хотели взглянуть на место находки Эдвина, то пришло время.

– Мы уже в пути, конец связи, – подтвердила Анника Карлссон и строго посмотрела на собственного шефа, но он даже не попытался подняться со своего складного стула.

– Иду, иду, – буркнул Бекстрём, поднимаясь не без труда.

* * *

На Бекстрёме были зеленые сапоги классической охотничьей модели, в то время как Анника Карлссон скоро начала ругаться про себя, поскольку ее кроссовки промокли насквозь. Через пятьдесят метров Бекстрём остановился и показал на одну из красных ленточек, которые Эдвин привязал на березовых ветках на высоте верхней пуговицы его синего пиджака.

– Ты обратила внимание? – спросил он.

– На что именно? – поинтересовалась Анника.

– Что Эдвин очень заботливый молодой человек. Он не только невероятно умен для своего возраста, но и он маленький мужчина с большим сердцем. Он заботится о нас, взрослых людях.

– Что ты имеешь в виду?

«Чего он сейчас добивается?» – подумала она.

– Он же, наверное, стоял на носочках, вытянув руки вверх, когда привязывал свои метки. Лишь бы нам взрослым не пришлось складываться пополам, чтобы их увидеть. Очень предусмотрительно с его стороны, как мне кажется.

Анника Карлссон ничего не сказала. Ограничилась лишь кивком.

«Поверить не могу, что ты это говоришь», – подумала она.

Пять минут спустя Бекстрём и Анника Карлссон оказались перед лисьей норой Эдвина. Ниemi стоял и болтал с мальчиком, в то время как двое коллег, которых он одолжил в техническом отделе полиции лена, осторожно, на цыпочках ходили по окружающей территории. Кинолога и его четвероногого помощника видно не было.

– Что случилось с собакой и ее хозяином? – поинтересовался Бекстрём.

– Они обыскивают близлежащий район, – объяснил Ниemi. – На всякий случай. Но если тебя интересует мое мнение, это ничего не даст. Для подробного обследования местности нужны большие силы. Если кто-то закопал тело здесь, на острове, то, я считаю, оно лежит значительно ближе к месту, где причалил наш катер.

– Я тоже так думаю, – согласился Бекстрём. – Никому не придет в голову без нужды таскаться с трупом.

– Принимая в расчет летучую живность, я не стану возражать, если ты, Анника и Эдвин вернетесь в наш офис, – сказал Ниemi и отмахнулся от наиболее назойливых кровососов.

– Тогда так и поступим, – сказал Бекстрём.

– Тогда так и поступим, – повторил за ним Ниemi. – Здесь от вас никакой пользы. Вы будете только путаться под ногами. Обещаю дать знать о себе самое позднее вечером.

– Эта лисья нора... – Бекстрём повернулся к Эдвину: – Ты можешь рассказать о ней?

– Да, – ответил Эдвин. – Она песчаная. Бывают еще каменные, среди валунов и тому подобного, но эта песчаная. Хотя ее можно назвать настоящей норой, если там живут лисы.

– А маленькое отверстие там между кустов, значит, вход? – спросил Бекстрём и показал в сторону норы.

– Да, или выход. Как дверь в квартире примерно, – объяснил Эдвин. – Хотя без самой двери, конечно. Отверстие, используемое, чтобы входить или выходить, я имею в виду.

– Обычно в такой лисьей норе много отверстий?

- В этой я нашел шесть. Хотя мой рекорд пятнадцать. Но то была каменная нора.
- Значит, лисья нора всегда имеет много входов и выходов. Зачем это лисам?

– Здесь нет ничего странного, – ответил удивленный Эдвин. – Представьте, комиссар, приходят охотники, чтобы застрелить лис, живущих там. Сначала они запускают внутрь норную собаку из тех, с какими охотятся на лис, а сами стоят снаружи и готовятся стрелять, когда звери выскочат на поверхность. Когда из нор много выходов, проще улизнуть, и у лис больше шансов уцелеть. Они ужасно хитрые животные.

– Так, значит, у норы много выходов. Поскольку лисам надо спастись, если кто-то за ними охотится.

- Да, – подтвердил Эдвин. – Хотя я никогда не буду этого делать. Я против охоты.
- Лисья нора имеет много выходов, – задумчиво произнес Бекстрём и кивнул.

* * *

Бекстрём, Анника Карлссон и Эдвин вернулись на берег и стали ждать полицейский катер, который уже находился на пути к ним, чтобы доставить в лагерь скаутов. Комиссар угостил мальчика бутербродом и лимонадом, прежде чем начал паковать свои вещи.

– Ты уже вызвал свой вертолет? – спросила Анника Карлссон.

«Зря я, – подумала она в то самое мгновение, когда сказала это. – В последний час он ведь вел себя как нормальный человек».

– Нет, – ответил Бекстрём. – Я решил отправиться на катере с тобой и Эдвином. Должна получиться приятная прогулка по озеру. Солнце светит, ветра почти нет, поэтому я жду ее с нетерпением, – добавил он.

«Плюс у них наверняка есть сортир на борту, куда я смогу незаметно смыться с фляжкой моей лучшей в мире водки и в спокойной обстановке заправиться немного перед поздним обедом». – Бекстрём уже начал планировать остаток своего дня.

– Ты не перестаешь меня удивлять, Бекстрём, – пожал плечами Анника.

– Ну, это я знаю, – усмехнулся комиссар.

Четверть часа спустя их высадили на острове Экерё. Несмотря на то что Бекстрём говорил о приятной прогулке по озеру перед отплытием, он по большому счету просидел все путешествие в туалете катера.

«Впрочем, в этом нет ничего странного», – подумала Анника Карлссон.

Лагерь скаутов по-прежнему был пустым. Никаких следов ни заведующего Фурухельма, ни его воспитанников. Проще всего было позвонить ему и сказать, чтобы приехал к ним в участок на допрос.

Аника Карлссон отвезла их назад в город. Бекстрём никогда не водил машину, неясно почему, ведь водительские права имели все полицейские. Их поездка домой без пробок получилась в два раза быстрее. Как только они приблизились к зданию полиции Сольны, Бекстрём достал мобильник и вызвал себе такси.

– Я слышал, вы с Анникой вечером пойдете в Грёна Лунд, – сказал он и кивнул Эдвину.

– Да, – подтвердил мальчик. – Комиссар хочет присоединиться к нам?

– Нет, как это ни печально. – Бекстрём с сожалением покачал головой. – У меня есть кое-какие дела, как ты понимаешь. Мы увидимся завтра рано утром в здании полиции.

Прежде чем они расстались внизу, в гараже, Бекстрём достал свой зажим для купюр, отсоединил от толстой пачки пятисоткрупный банкнот и дал Эдвину.

– Возьми, Эдвин, – сказал он и погладит мальчугана по голове. – Ты сможешь прокатить Аннику на «Американских горках».

– Спасибо, – поблагодарил его Эдвин и даже поклонился. – Но это слишком много, комиссар.

Бекстрём, казалось, не услышал его. Сначала, судя по его виду, он глубоко задумался, потом отсоединил еще одну пятисотку и сунул ее в нагрудный карман Эдвина.

– Возьми и ее тоже, – сказал он. – На случай, если вы захотите поехать домой на такси. Не забудь дать мне квитанцию, как обычно.

16

Комиссар Тойвонен возглавлял криминальный отдел полиции Сольны. Он был непосредственным начальником комиссара Бекстрёма, но определенно не входил в число его почитателей. Перед ним на письменном столе лежала открытая папка, куда он вложил копию заявления о подозрении в убийстве, которое Анника Карлссон переслала ему по электронной почте предыдущим вечером, а также копию ее краткой просьбы выделить дополнительный персонал для работы по идентификации жертвы.

Тойвонен предпочитал, чтобы все выглядело именно так. Лучше в бумажном виде, когда можно переворачивать листы и делать пометки, а не таращиться в экран компьютера, пока не начнет рябить в глазах, а головная боль не лишит возможности думать ясно.

«О какой-то обычной находке исключительно исторического значения уж точно речь не идет», – рассудил он. Судя по пуле, найденной в черепе, все произошло не в столь далекие времена. Хотя это не исключало того факта, что они столкнулись с историей, срок давности по которой уже истек, или вообще не с преступлением. Ведь многие умершие в результате огнестрельных ранений сами стреляли в себя.

«С одной стороны, с другой стороны...» – вздохнул Тойвонен. В любом случае перед ним и его коллегами стояла задача выяснить, как обстояло дело, и он прекрасно понимал, что до тех пор, пока не будет установлена личность жертвы, расследование не сдвинется с мертвой точки. Он знал это столь же хорошо, как и Бекстрём, и Анника Карлссон, и так же, как они, прекрасно представлял, что нельзя просто отнести сейчас лежавшие перед ним бумажки в архив и сделать вид, будто ничего не случилось.

Для начала следовало разобраться с состоянием зубов и составить стоматологическую карту, и, пожалуй, вряд ли могло стать большой проблемой выделение ДНК из черепа. Это было относительно нетрудно, не требовало больших ресурсов, и, кроме того, о такой работе вполне могли позаботиться эксперты из недавно созданного в Линчёпинге Национального судебно-медицинского центра.

Оставалось все остальное. Найти нужного человека среди сотен пропавших и никогда не найденных впоследствии. Не говоря уже обо всех иных, исчезнувших таким образом, что даже не попали в полицейские регистры. Для этого-то как раз и требовались дополнительные люди. А у него они отсутствовали.

«Мне надо переговорить с Гунсан, – подумал Тойвонен. – Какая удача, что она тоже не ушла в отпуск».

Гунсан прозвали Гун Нильссон. Она числилась вольнонаемным сотрудником канцелярии криминального отдела, но по сути отвечала за решение всех практических и административных проблем, пользуясь при этом любовью и уважением товарищей по работе, и поэтому ее прозвище воспринималось как ласковое всеми без исключения сотрудниками подразделения.

Примерно в то время, когда Бекстрём и его коллеги шли по меткам, которые Эдвин заботливо развесил на деревьях таким образом, чтобы эта прогулка не стоила им лишних усилий, Тойвонен расположился на стуле для посетителей в комнате Гунсан.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, но сегодня у нас среда двадцатое июля, разгар отпусков, половина команды отдыхает, и ты хочешь, чтобы я нашла тебе дополнительный персонал для оказания помощи в идентификации старого черепа, которому, наверное, сто лет, – сказала она и дружелюбно улыбнулась Тойвонену.

– Да, примерно так, – подтвердил он.

– Один вопрос. Какое количество сотрудников видится тебе в твоих самых смелых мечтах? – спросила Гунсан.

– Меня обрадовал бы хоть кто-то, будь у него голова на плечах, – откровенно признался Тойвонен.

– Я могу организовать двоих для тебя, – объявила Гунсан.

– Двоих, – повторил Тойвонен. – Двоих полностью работоспособных коллег?

«Интересно, она умеет ходить по воде?» – подумал он.

– Поскольку надо главным образом лазать по регистрам, по-моему, это наилучший вариант.

– Но как, боже праведный, ты сможешь все устроить?

– С помощью вывихнутой ноги и загипсованного колена, – сказала Гунсан. – Это уж точно не самые важные части тела, когда надо просто сидеть перед компьютером.

17

В четверг 21 июля в 10:00 утра состоялась первая встреча следственной группы. Так решил Бекстрём, послав эсэмэс соответствующего содержания Аннике Карлссон предыдущим вечером.

Она пришла на работу пораньше, чтобы успеть разобраться со всеми деталями, пока он сам не появился и не принялся вносить коррективы в ее тщательно составленный план. Главным образом в практические моменты, поскольку относительно самого дела они ведь не знали ничего, но даже подобное занимало приличное время.

Обычно или скорее в лучшем случае он выныривал в последнюю минуту, но на этот раз внезапно шагнул в ее комнату за полчаса до начала встречи.

– Где Эдвин? – спросил Бекстрём, на всякий случай окинув взглядом помещение.

– Доброе утро, Бекстрём, – сказала Анника Карлссон и улыбнулась дружелюбно. – Ты выглядишь необычайно бодрым и свежим. Уж не собираешься ли заболеть?

– Эдвин, – повторил Бекстрём и кивнул ей.

Мальчик находился со своим отцом, тот прилетел утренним самолетом из Сконе и пришел за ним домой к Аннике Карлссон еще до завтрака. Мать Эдвина задержалась еще на сутки, чтобы пообщаться со своей жившей в Хельсинборге сестрой, и планировала приехать в Стокгольм только к выходным. Эдвин чувствовал себя хорошо. Его отец Слободан передал привет Бекстрёму и поблагодарил комиссара за заботу о его сыне.

– Тебя еще что-то интересует? – спросила Анника Карлссон все с той же дружелюбной улыбкой.

– Нет, – ответил Бекстрём, покачал головой и удалился.

За пять минут до начала совещания Анника Карлссон зашла к Бекстрёму и бесцеремонно расположилась с другой стороны его письменного стола. Он, наверное, все равно услышал ее приближение, поскольку сунул ключ от ящика стола в карман в то самое мгновение, когда она села.

– Что я могу сделать для тебя, Анника? – поинтересовался Бекстрём, взяв ментоловую пастилку и сунув ее в рот.

– Ничего, – ответила Анника. – То есть все как обычно, однако у меня найдется о чем рассказать тебе из того, что ты, пожалуй, хотел бы знать до встречи. Две новости относительно нашего расследования и немного общей информации об Эдвине, его самочувствии и всем таком.

– Давай о том, что касается расследования, – распорядился Бекстрём, посасывая пастилку. – Начни с плохой новости.

– Обе хорошие, – сообщила Анника Карлссон.

– Тогда можешь первой поведать наилучшую.

– Я сегодня утром разговаривала с Надей, – сказала Анника Карлссон. – Она сама позвонила мне. Надя Хёгберг, единственный достойный сотрудник, как ты обычно описываешь ее всем другим беднягам, которые здесь работают. Им наверняка смешно слышать подобное.

– Черт с этим сейчас, – буркнул Бекстрём, раздраженно махнув рукой. – Я попал не на курсы руководителей, или как?

– Куда там, – усмехнулась Анника Карлссон. – Когда у нас такое случается, ты всегда оказываешься на больничном, и насколько я могу видеть...

– Надя в отпуске дома в своей любимой России, – перебил ее Бекстрём. – Она вернется в первую неделю августа. Какие-то проблемы, раз она позвонила?

– Ничего особенного кроме того, что она решила прервать отпуск и приступить к работе после выходных. И уже, конечно, переговорила с Тойвоненом.

«По крайней мере, хоть кто-то вызывает его беспокойство, – подумала Анника Карлссон. – Пожалуй, все дело в водке, которой Надя его снабжает».

– Это же блестяще, – сказал Бекстрём, и лицо его заметно просветлело. – Наконец-то будет хоть какой-то порядок вокруг нас.

– Что касается другого... – начала Анника Карлссон.

– Вернемся к этому потом. – Бекстрём покачал головой, посмотрев на часы и вставая.

– Мы получили подкрепление в виде двух молодых коллег из службы правопорядка, которых Тойвонен прислал нам, – продолжила Анника Карлссон, явно не собираясь останавливаться сейчас. – Оба, похоже, нормальные. Я уже успела поговорить с ними.

– Я услышал тебя, – буркнул Бекстрём. – Займись этим сама.

«Какая разница. Все равно ведь Надя скоро вернется, а значит, здесь будет полный порядок, совершенно независимо от того, насколько эти типы бестолковые».

– Потом тебя наверняка интересуется, как у нас с Эдвином все прошло в Грёна Лунде вчера.

– Нет, – отрезал Бекстрём.

– Мы были там до позднего вечера, – сообщила Анника Карлссон и одарила Бекстрёма широкой улыбкой, – и перед возвращением домой вместе посетили «Туннель любви».

– Что?! – подскочил Бекстрём и снова опустился на свой стул.

«О чем, черт возьми, она говорит? Парню ведь всего десять лет!»

* * *

Нет, Анника Карлссон и Эдвин не посетили вместе «Туннель любви». Когда она в шутку предложила ему сделать это, он покраснел и помотал головой. Зато они не пропустили ничего из развлечений, доступных в Грёна Лунде. Эдвин ел попкорн, мороженое и сахарную вату, а также перекусил гамбургером и горячей сосиской, выпил бутылку лимонада и два стакана сока. Анника Карлссон давно отказалась от сахара и углеводов в пользу протеинов и овощей. Правда, с единственным исключением. В конце вечера она позволила себе большую кружку пива. Кроме того, они покатались на каруселях, колесе обозрения и посоревновались в пяти-

борьбе. И самое главное, перед уходом Эдвин впервые в жизни смог прокатиться на больших «Американских горках». В обычном случае охранники лишь отрицательно качали ему головой, но не в этот раз, когда Анника была с ним.

– Эдвин очень своеобразный молодой человек, – сказала Анника. – Если он не вызывает восторга, значит, с тобой что-то не так. Ты не думал обзавестись детьми, Бекстрём?

– Нет, – ответил Бекстрём, поднялся рывком и покачал головой. – Мне трудно с ними.

1 В

Они сидели в наименьшей совещательной комнате отдела, Бекстрём на своем обычном месте с торца стола, а поскольку их было всего шесть человек, места хватило с лихвой. Анника Карлссон раздала все имевшиеся исходные материалы, каждому свою пластиковую папку с десятком листков, и, закончив с этим, кивнула шефу, прежде чем села напротив него.

– Я рад приветствовать вас всех, – сказал Бекстрём с дружелюбной миной. – Как вы видите из составленного Анникой заявления, мы будем рассматривать все это, по крайней мере пока, как убийство. История может получиться достаточно сложной, если нам не удастся идентифицировать того, о ком, собственно, идет речь. Я думаю, ты начнешь, Фернадес, – продолжил он и кивнул их эксперту. – Ты готов предложить нам какую-нибудь путеводную нить?

«Идиот на идиоте, – подумал он, – и единственное утешение в том, что они значительно хуже, чем в обычном случае. Утка Карлссон, которая на каждое слово готова огрызнуться, наш собственный чилиец, Чико Фернадес, уж точно не семи пядей во лбу, инспектор Ян Стигсон из Даларны, наверняка из какого-нибудь города-побратима Вальпараисо, а в остальном полный идиот. Единственное утешение, что бывает и хуже».

Правда, на этот раз их собственный финик Тойвонен, шеф всего бедствия, окружавшего Бекстрёма, на всякий случай навязал им двух молодых инвалидов из отдела правопорядка, в настоящее время вместо их обычной деятельности на улицах занимавшихся всякой мелочовкой внутри здания из-за полученных на службе травм. Женщину двадцати пяти лет, блондинку с коротко подстриженными волосами, хорошо тренированную, без признаков обычных женских форм, добравшуюся до своего стула на одной ноге с помощью двух костылей. И ее коллегу мужского пола. Он был такого же возраста, как она, и напоминал участника реалити-шоу «Отель Парадиз» и, конечно, сильно хромал, но обошелся лишь одним костылем.

«Лучше не придумаешь», – подумал Бекстрём и кивнул Фернадесу.

– Начинай, пожалуйста! Мы же собираемся сидеть здесь весь день.

– Мне кажется, присоединившиеся к нам коллеги могли бы представиться, прежде чем Чико начнет, – возразила Анника Карлссон, кивнув блондинке с костылями.

«Ну конечно, разве ты можешь не встрять». – Бекстрём с трудом сдержал тяжелый вздох.

– Меня зовут Кристин Олссон. Олссон, с двумя «с», – сообщила блондинка и улыбнулась Бекстрёму. – Мое обычное рабочее место в патрульных машинах.

«Олссон с двумя «с». Вот так новость, словно от этого все должны визжать от восторга».

– Если вас интересует, как это случилось, – продолжила она и подняла один из своих костылей, – повредила ногу на футбольном матче против коллег из Сёдерорта в понедельник. Правда, разгромили их со счетом пять – два, так что с этим все нормально. И я вполне могу сидеть за компьютером.

«Ну, просто сидеть у тебя вряд ли получится, – решил Бекстрём. – Для тебя уж точно хватит работы».

– А с тобой что произошло? – спросил он у ее коллеги мужского пола. – Играл во флорбол или во что-то другое?

– Нет, – ответил тот, – утихомиривал хулигана. Случайно вывихнул ногу. Шефу едва ли это будет интересно.

– Он сейчас сидит в кутузке? – спросил Бекстрём.

– Скорее лежит, в тюремной больнице, – уточнил его собеседник.

– Блестяще, – сказал Бекстрём. – И как тебя зовут?

«Рано или поздно, – подумал он, – должен ведь был появиться кто-то, на кого можно надеяться».

– Адам. Адам Олешкевич.

– Не самая простая фамилия, – констатировал Бекстрём и покачал головой.

– Что шеф имеет в виду? – спросил Олешкевич с озорной улыбкой.

– С кучей согласных звуков.

– С пятью, – уточнил Олешкевич.

– Да, не самая простая. Пусть в ней на одну согласную меньше, чем в фамилии Бекстрём, – добавил он и улыбнулся еще шире.

«Надежда растаяла как дым, – огорчился Бекстрём. – Мы получили комика себе на шею».

– Сейчас, пожалуй, Чико может начать, – вмешалась Анника Карлссон, пытаясь разрядить обстановку.

«Какими радостными все вдруг стали, – подумал Бекстрём. – Этому не будет конца. Мне пора завязывать с этим и заняться чем-то другим. Хотя чем другим, интересно?»

Фернандес с помощью подключенного к компьютеру проектора показал фотоснимки. Сначала находки Эдвина, потом пули, лежавшей внутри ее, которую он сам извлек.

Нижняя челюсть черепа отсутствовала, но в остальном он находился в хорошем состоянии. Никаких так называемых отметин от инструмента или оставленных когтями или зубами животных. Никаких следов более старых повреждений, возникших в результате болезней, несчастных случаев или тому подобного. За исключение пулевого отверстия как раз посередине правого виска. Но, несмотря на состояние, находка Эвина могла пролежать на острове достаточно долго.

Это череп женщины, продолжил Фернандес. Он, конечно, не был остеологом, но имел достаточно знаний, чтобы определять пол скелетов. Череп взрослой женщины. Пожалуй, от двадцати до пятидесяти лет, но помимо этого он ничего сказать не мог.

Относительно пули и того, как был произведен выстрел, у него оказалось больше данных. Свинцовая пуля, 22-го калибра, обычной модели. Так называемый малокалиберный патрон, констатировал Фернандес. Вероятно, стреляли из ружья, хотя сам тип боеприпаса и прочие следы, которые ему удалось обнаружить, не исключали использование револьвера или даже пистолета того же калибра.

По второму пункту у Фернандеса также имелось вполне определенное мнение. Речь шла о выстреле с близкого расстояния, с дистанции максимум полметра, но, вероятно, гораздо меньшей. Если опуститься на уровень догадок, то стреляли в упор, приставив ствол к виску жертвы.

Изучая череп в микроскоп, он обнаружил остатки частиц воспламеняющего заряда и пороха в кости вокруг входного отверстия. Оно было очень аккуратным, что говорило о высокой скорости пули в момент контакта с костью.

– Примерно такой результат получается, если делать дыроколом дыру в листе бумаги, отверстие получается с ровными краями, – объяснил Фернандес. – Скорость такой пули довольно быстро уменьшается по мере удаления от ствола. Само собой, пуля наверняка сможет продырявить череп, находящийся на расстоянии двадцать и больше метров, но с увеличением дистанции до головы, в которую стреляешь, растет вероятность появления трещин на краях входного отверстия.

– Убийство или самоубийство? – спросил Бекстрём.

– Я считаю, это убийство, – ответил Фернандес. – Во всяком случае, пока никто не убедил меня в обратном.

– У тебя есть идеи о том, как все могло происходить? – уточнил Стигсон. – Прежде чем прозвучал выстрел, я имею в виду.

Кто-то поднимает ружье к голове жертвы. Она вскидывает руку в попытке защититься, отворачивается в сторону, поскольку испугана, подобное спонтанное движение человек делает чисто рефлекторно, преступник приближает ствол и нажимает на спуск. Но, конечно, мы не можем исключать и самоубийство, – продолжал он. – Выстрел в правый висок, а люди в большинстве своем правши. Хотя, если речь идет о ружье, трудно дотянуться до спускового крючка, когда ты собираешься стрелять себе в висок. Самое простое, если самому надо свести счеты с жизнью, всадить себе пулю в лоб или сунуть ствол в рот, следовательно, локализация входного отверстия говорит против версии самоубийства.

– Но люди ведь стреляют в себя гораздо чаще, чем когда их таким образом убивают другие, – возразила Кристин Олссон.

– Да, примерно в пять раз, – согласился с ней Фернандес. – Но только не женщины. Почти все, кто стреляется, мужчины.

– Когда это случилось, по-твоему? – уточнила Анника Карлссон.

– Я не знаю, – пожал плечами Фернандес. – Возможно, год назад. А возможно, пятьдесят лет назад, хотя череп и находится в идеальном состоянии. Точно не скажу.

– Я думаю, все произошло примерно от года до пяти лет назад, – заявил Бекстрём, наклонившись вперед на своем стуле. – И по-моему, наша жертва спала, когда в нее стреляли. Она лежала на левом боку. Левая рука под головой. Преступник подкрадывается к ней, прижимает ствол к виску и спускает курок.

«Подобное всегда срабатывает», – подумал он. Внезапно все, даже самонадеянная Анника Карлссон, открыли рот и уставились на него.

– Почему ты так считаешь? – спросила Анника.

– Такую картинку я вижу перед собой, – ответил Бекстрём, кивнул еле заметно с полужакрытыми глазами, как бы самому себе, и поднял обе руки с целью усилить впечатление. – Такую картинку я вижу перед собой, если вы понимаете, что я имею в виду.

«Хуже не будет, если я спрошу, как все было, этого идиота, когда он окажется за решеткой».

– При всем уважении к вам, шеф, – сказал Фернандес, – но относительно времени... Есть одно обстоятельство, говорящее в пользу того, что речь может идти о более старой истории. Более пяти лет, никак не меньше.

– И что же за обстоятельство? – спросил Бекстрём равнодушным тоном.

– Да, было бы интересно услышать, – поддержала шефа Анника Карлссон. – Нельзя ли поподробнее?

По словам Фернандеса, имелись даже два обстоятельства, говорившие в пользу более старой истории.

Прежде всего, он почти не сомневался, что в качестве орудия убийства использовалось ружье. Одно из самых известных орудий в стране, известное как мелкашка. Пуля, которую он нашел, просто не расплющилась бы таким образом, как это произошло с ней, вылетев из оружия с более коротким стволом вроде револьвера или пистолета. Ведь чем длиннее ствол, тем больше шансов, что задняя часть пули сохранит свою исходную форму, после того как она сжалась при попадании в цель.

– В результате происходит расплющивание с образованием так называемой «грибной шляпки», – пояснил Фернандес. – Такие пули выглядят приблизительно как маленькие белые грибы. Они утолщаются к заднему концу, и их наконечник приобретает форму шляпки, когда расплющивается. Встречаясь с целью, значит.

– Какое это имеет отношение ко времени, – проворчал Бекстрём, он уже просчитал, чего касалось наблюдение Фернадеса.

– Никакого, – кивнул в знак согласия тот. – Однако в данном случае использовалось так называемое гладкоствольное ружье.

– Не поняла. Объясни, пожалуйста, – попросила Анника Карлссон.

– Внутри ствола имеются винтовые канавки, по которым пуля движется, как по рельсам. Они предназначены для того, чтобы заставить ее вращаться и тем самым стабилизировать движение в полете, когда она вылетит наружу. Ружья старых моделей, однако, изготавливали гладкоствольными. Пуля не вращалась внутри, что негативно сказывалось на точности стрельбы.

– Предположительно наше орудие убийства изготовили примерно сто лет назад, – сказал Фернадес. – Ремингтон, и Хускварна, и все другие крупные производители оружия прекратили выпускать такие ружья 22-го калибра в начале двадцатого столетия.

– Но в употреблении находится еще несколько тысяч, и они вполне годятся, чтобы прострелить кому-то голову, – подвел итог Бекстрём.

– Конечно, – согласился Фернадес. – Старая мелкашка деда, доставшаяся в наследство. Шеф абсолютно прав. Но сегодня такие редко встречаются.

– Ладно. – Бекстрём заложил руки за голову и откинулся на спинку стула. – Наше расследование сдвинется с мертвой точки только в том случае, если мы будем знать, кто убитая. Когда мы рассчитываем что-нибудь получить из нового судебно-медицинского центра в Линчёпинге?

По словам Фернадеса, как сам череп, так и пулю из него отправили туда еще вчера. У него там имелся хороший знакомый, поэтому, несмотря на отпуска, он надеялся, что первые предварительные данные они смогут уже в середине следующей недели.

– В середине следующей недели, – недовольно пробурчал Бекстрём.

– Это относительно пули, – уточнил Фернадес. – Результатов по черепу нам придется ждать дольше. Там есть новый отдел судебно-медицинской остеологии. Я попросил их взглянуть на него. Вполне возможно, они смогут порадовать нас чем-то еще помимо того, что речь, вероятно, идет о женщине. Если говорить о ДНК, то, пожалуй, понадобится еще больше времени, если вообще удастся что-то получить.

– Остеологи, – буркнул Бекстрём. – Передай им привет от меня и скажи, что речь идет о женщине азиатского происхождения, вероятно, из Таиланда, возможно, с Филиппин. Ей было около тридцати, когда она умерла. Совершенно здоровая женщина до тех пор, пока муженек не устал от нее и не стрелял ей в башку, когда пять лет назад они вместе проводили отпуск на лодке на озере Меларен. Он швед, кстати, из таких, кто привозит сюда женщин из Азии.

– Мы еще что-то можем сделать для шефа? – спросила Анника Карлссон и чуть наклонила голову, стараясь скрыть улыбку.

– Я хочу иметь ДНК, – сказал Бекстрём. – И самое позднее в понедельник. Ведь не так трудно вытащить один зуб из верхней челюсти черепа, верно? Пожалуй, это же сушая безделица по сравнению с тем, если бы речь шла о живом пациенте. Потом зуб раскалывают надвое, выковыривают пульпу и получают ДНК. Понадобится максимум час с помощью обычной аппаратуры, если вы спросите меня.

– Что-то еще? – поинтересовалась Анника Карлссон.

– Да постарайтесь сделать хоть что-то, – сказал Бекстрём. – Я хочу иметь список всех женщин нашей страны, бесследно исчезнувших за последние десять лет. Имена тех, которые подпадают под мое описание, я хотел бы получить в виде отдельного списка. И меня очень удивит, если в нем окажется более десяти имен.

Затем он поднялся, кивнул остальным и удалился.

Будучи сам экспертом, Петер Ниemi также руководил работой всех других экспертов полиции Сольны. Коллеги любили его как человека и уважали как профессионала. Главным образом он был известен своей дотошностью, считающейся далеко не худшим качеством при его работе по поиску доказательств на основе собранных улик.

Выступая с лекциями перед будущими и молодыми коллегами, он обычно делал упор на то, что в их деле большую роль играет системное мышление. Сначала надо создать общее представление о среде, где предстоит проводить исследование, и только потом начинать ползать кругом на четвереньках, изучая царапину на одном из плитусов, или лезть вверх по лестнице с целью поближе взглянуть на несколько таинственных пятен на потолке прямо над головой жертвы.

Системно мыслить, но при этом не заикливаясь на чем-то особенно. Просто постараться услышать историю, которую найденные предметы и следы могли рассказать. Именно так он также работал в тот раз, когда ему потребовалось исследовать остров Уфердсён в поисках человеческих останков или каких-либо вещей неизвестной мертвой женщины. Место находки площадью почти восемьсот тысяч квадратных метров, главным образом кустарники и редкий лес, чуть ли не джунгли по сравнению со всей прочей территорией полицейского участка, где он работал.

Петер Ниemi провел восемь рабочих дней на острове. Ему помогали четыре эксперта, которых он позаимствовал из технического отдела лена. Кроме того, два кинолога, каждый со своей собакой, и коллеги из морской полиции, обеспечивавшие транспорт. Естественно, также все оборудование, имевшееся у них с собой. Они даже построили небольшой лагерь там, где обычно причаливал катер, и поставили столы и стулья, где можно было посидеть и попить кофе и поесть или просто передохнуть. Даже разбили палатку для защиты наиболее чувствительных к внешним воздействиям находок на случай, если пойдет дождь. Абсолютно ненужная мера, поскольку им не попадалось ничего интересного с точки зрения их задания, и к тому же солнце светило изо дня в день.

У одного из кинологов даже нашлось объяснение отсутствию находок. На острове хватало кабанов, а если верить местному охотнику, с которым ему довелось разговаривать, они водились там не менее двух десятков лет. А кабаны были всеядными и падальщиками и обычно оставляли после себя очень мало или почти ничего, когда заканчивали есть.

– У них мощные челюсти. Прямо как у мусородробилки. Они за мгновение способны поглотить берцовую кость мертвого человека. В отличие от лисы. Та более разборчива в еде, собственно, ее мы должны благодарить за то, что нам удалось найти череп, – подытожил он свои рассуждения.

– Звучит как утешение, – сказал Ниemi. – Но я услышал тебя и осознал проблему. Кабаны хороши в том, чтобы поддерживать природу в чистоте.

Это было негостеприимное место, но следов человеческого пребывания там все-таки хватало. Сотни пластиковых бутылок и старых упаковок валялись по берегам острова, а в глубине его им даже удалось найти старый фундамент, наверняка оставшийся с той поры, когда Уфердсён использовали в качестве пастбища для своего скота жившие в окрестностях крестьяне. Пожалуй, даже того самого дома, о котором его коллега из морской полиции рассказывал Аннике Карлссон. Сгоревшего в результате удара молнии в 1895 году, когда при пожаре погибли две работницы. В те времена, когда на месте всех этих зарослей был открытый пейзаж с изобилующими травами и цветами лугами.

Но больше никаких признаков жилья, если не считать двух деревянных хижин того рода, какие Петер Ниemi и его друзья обычно сооружали в детстве.

«Из той поры, когда еще не было компьютерных игр и мобильных телефонов», – подумал он. То есть их возраст также явно исчислялся многими годами.

Всего восемь рабочих дней, из которых три первые не принесли никакого результата. И только в конце третьего, когда Ниemi уже решил позволить отдохнуть своей компании в выходные, чтобы самому спокойно и обстоятельно подумать, есть ли смысл в их дальнейшем пребывании на острове, коллега из морской полиции, прибывший забрать его самого и остальных, изменил ситуацию.

– Я прихватил с собой копию старой брошюры о том, как Уфердсён получил свое название, – сообщил он, протянув коричневый конверт Ниemi.

– Да, я помню, ты рассказывал об этом, когда мы плыли сюда в среду, – сказал эксперт.

– Я, конечно, не думаю, что она поможет тебе, но это ведь в любом случае интересное чтение, – продолжил морской полицейский. – Похоже, на острове лежит проклятие. Сгоревшие работницы, умиравшие как мухи животные и утонувшие крестьяне. Такое впечатление, что оно затронуло тебя и других коллег. Ни одной приличной находки за все время. Даже ни единого грибочка на обед. Только комары, старые пластиковые бутылки и прочая дребедень. А теперь у тебя хоть будет интересное чтение на выходные, ты сможешь развлечься, залечивая комариные укусы.

– Жду не дождусь возможности приняться за него, – усмехнулся Петер Ниemi, не подозревая, что сейчас начнутся первые подвижки в его собственном расследовании.

20

Через час после того, как Анника Карлссон закончила первое совещание их следственной группы, ей позвонил заведующий лагерем скаутов Хаквин Фурухьельм и рассказал, что во второй половине дня он придет в город по личному делу, поэтому, если она все еще хочет поговорить с ним, для этого появлялась отличная возможность.

– После обеда меня устроит, – согласилась Анника.

– Я могу быть у тебя через час, – предложил Фурухьельм. – В такое время обычно нет больших пробок. Во всяком случае, по пути в город.

– Дай мне подумать, – сказала Карлссон и решила: «Надо уступить».

– Но ты, пожалуй, предпочитаешь, чтобы мы увиделись в лагере? – спросил Фурухьельм, явно заметив ее сомнение. – Но тогда, боюсь, мы встретимся самое раннее завтра. Я собирался ночевать в городе.

– Нет, если ты подъедешь к зданию полиции Сольны, то очень мне поможешь, – поспешила заверить его Анника Карлссон. – Я совсем замоталась.

– Да, отлично, – сказал Фурухьельм. – Тогда увидимся в здании полиции через час.

– Извини, но с этим может возникнуть проблема, – возразила Карлссон. – Просто у меня прямо сейчас еще одна встреча. Как смотришь на то, чтобы подъехать через два часа?

«Невинная ложь, поскольку мне надо успеть проверить, что ты за птица», – подумала она.

– Замечательно. Значит, в четырнадцать ноль-ноль в полиции Сольны. По-моему, я знаю, где она находится. Это же большое здание у железной дороги, в нем еще располагается суд?

– Все так, – подтвердила Анника Карлссон. – Спроси меня на ресепшен, я спущусь и заберу тебя.

– Я могу показаться слишком навязчивым, – продолжил Фурухьельм. – Но у тебя по-прежнему нет желания сообщить, о чем пойдет речь?

– Мне нужно получить у тебя кое-какую информацию, – объяснила Анника Карлссон. – Тебя ни в чем не подозревают. Мы начали одно расследование, и, на мой взгляд, ты сможешь помочь нам с ним.

– Надеюсь, с Эдвином не случилось ничего плохого, – произнес Фурухьельм с нотками беспокойства в голосе.

– Нет, вовсе нет. Речь пойдет не о нем и не о тебе, как я уже говорила.

«Будем надеяться», – мысленно прибавила она.

– Приятно слышать. – Тон Фурухьельма снова был дружелюбным. – Я думал...

– Знаешь, – перебила его Анника Карлссон, – может, мы займемся этим при встрече?

Так будет проще всего.

– Звучит замечательно, – согласился Фурухьельм.

«Что же ты за птица?» – подумала Анника.

Потом она направилась прямо к своей новой сотруднице, «Олссон с двумя «с», и назвала ей полное имя и личный код Фурухьельма.

– Мне нужна твоя помощь, Кристин. Не могла бы ты пробить этого парня для меня? Мне предстоит допросить его через пару часов.

– Фурухьельм, Густав Хаквин, родился в 1970 году, – прочитала Кристин на полученном от Анники листке.

– Да, так его зовут.

– Судя по имени, из знати, – констатировала Кристин. – И что он натворил?

– Да, вероятно, ничего, – улыбнулась Анника Карлссон. – Его надо допросить в порядке получения информации. Он заведующий лагерем скаутов нашего собирателя грибов.

– Ай-ай-ай. – Кристин Олссон обеспокоенно покачала головой. – Мужчина сорока пяти лет, наверняка не женат и не имеет собственных детей. Работает заведующим лагерем, где масса мальчиков-скаутов. Выглядит все это не лучшим образом. Я с нетерпением жду возможности принять участие в настоящем расследовании убийства.

– Будем надеяться на лучшее, – сказала Анника Карлссон. – Собери мне все обычные данные.

«Приятная девочка, – подумала она. – Итак, сейчас сначала короткая тренировка, потом надо постараться перекусить, чтобы не снизилось содержание сахара в крови, когда я буду разговаривать со столь высокородным господином, как Хаквин Фурухьельм».

Готова к встрече со всем миром – так чувствовала себя Анника Карлссон, когда полтора часа спустя поднималась в лифте из расположенного на первом этаже ресторана на самый верх в свой кабинет. Легкая тренировка, душ, свежие трусики и футболка, протеины, овощи и вода на обед. Больше ничего и не требуется для встречи со всем миром.

«Интересно, чем сейчас занят Бекстрём?» – подумала она.

По пути она заглянула к Кристин.

– Я все отправила тебе, – сообщила та. – Густав Хаквин Фурухьельм лежит у тебя в почте.

– Расскажи вкратце, – попросила Анника, кивнула и села на стул для посетителей.

– О'кей, – сказала Кристин. – Примерно все, как я говорила. Сорок пять лет, не женат, никаких детей, не судим, за ним не числится даже самых крошечных грехов. Живет в квартире в Эстермальме на Улриксгатан, в доме, который, как мне кажется, принадлежит ему или его семье. У него, похоже, достаточно денег, хотя его задекларированный доход не так велик. Всего шестьсот тысяч, а это же сушая ерунда, когда владеешь парусной яхтой за десять миллионов.

– Чем он занимается по работе?

– Юрист. Закончил университет Упсалы в 1995 году. Потом, похоже, главным образом занимался управлением недвижимостью, трудясь в фирме «Фурухьельм Фёрвалтнинг АБ»,

принадлежащей ему и его старшей сестре. Он – исполнительный директор, она – председатель правления. Если хочешь знать его школьные отметки, тебе придется немного подождать.

– Нет, черт с ними, – мотнула головой Анника Карлссон и улыбнулась. – Кого подобное волнует? Видела бы ты мои достижения. Но что он за человек? Какое у тебя сложилось впечатление?

– Я полагаю, он не гей, – ответила Кристин Олссон. – По-моему, вечный мальчик. Хотя давно взрослый мужчина.

– Вечный мальчик?

– Из тех парней, которые никогда не взрослеют, – объяснила Кристин. – Он есть на «Фейсбуке», и в «Твиттере», и во всех таких местах. Но не на сайтах знакомств, будь то для натуралов или для прочей публики. Он не пользуется даже «Тиндером». При всей его безобидности.

– Вот как, – констатировала Анника Карлссон. – И это ты уже проверила, значит. За час. А как ты сама на сей счет?

– Ты же не хочешь это знать, – ответила Кристин Олссон и улыбнулась дружелюбно.

– Нет, конечно, – подтвердила Анника Карлссон. – А его интересы? У него есть какие-то интересы?

– Похоже, два, два серьезных. И это по большому счету единственное, о чем он болтает в социальных сетях.

– И какие же конкретно у него увлечения?

– Парусный спорт и скаутское движение. Я видела его фотографию в скаутской униформе. В коротких брюках и всем таком.

– Вечный мальчик, парусный спорт и скаутское движение, – повторила Анника Карлссон.

– Да, – подтвердила Кристин Олссон и хихикнула восторженно. – Ты же сама слышишь, как забавно этот звучит?

– У меня возникла идея, – сказала Анника. – Я знаю, что тебе трудно ходить, – продолжила она, кивнув на костыли, стоявшие за стулом Кристин.

– Да-а...

– Но как смотришь на то, чтобы спуститься на ресепшн и привести его ко мне в комнату? Было бы интересно услышать твое мнение о нем.

– С удовольствием сделаю это, – кивнула Кристин. – Я забыла кое о чем, кстати. Он великолепно выглядит на фотографиях, которые выложил в социальных сетях. Такой красивый богатый парень, ну ты понимаешь.

– Так выглядят все на таких снимках. – Анника Карлссон поднялась со стула. – Тебе стоит посмотреть мои, – добавила она.

– Я видела, – сказала Кристин. – Ты имеешь в виду фотографии из тренажерного зала? Жесть.

«Ничего странного, – подумала Анника Карлссон и довольствовалась лишь кивком. – Именно поэтому я и выложила их».

Аника Карлссон решила не следовать совету Бекстрёма, допрашивая Хаквина Фурухельма. Она не стала касаться краденых золотых зубов и махрового полотенца. Кроме того, он сразу произвел на нее хорошее впечатление и был очень похож на самого себя с фотографий, которые выложил в сети и которые сейчас также находились в компьютере Анники Карлссон. Правда, его снимок в скаутской униформе Кристин ей не прислала.

«Нет, он не только вечный мальчик», – подумала она, поскольку заметила искорки интереса в его глазах, когда он сел на стул для посетителей в ее комнате.

Синий пиджак, белые брюки, синие топ-сайдеры, белая рубашка с расстегнутым воротничком. Хорошо и одновременно просто одетый, с отлично сочетающимся с его нарядом золо-

тистым загаром и плоским животом. Точно как говорила Кристин Олссон и как показывали его снимки в Интернете. Красивый и, судя по его виду, богатый парень, выглядевший на десять лет моложе своего возраста. Мечта тещи, если кто-то из того же круга, к которому принадлежал Хаквин Фурухьельм, искал будущего мужа для дочери.

Анника Карлссон начала допрос так же, как обычно делала это. Объяснила, что он будет допрошен в порядке получения информации в связи с проводимым полицией предварительным расследованием возможного преступления. И что ему придется подписать документ, обязывающий его не разглашать содержание их разговора. Чего конкретно будет касаться дознание, она, однако, не могла сказать, также в силу секретности данной информации.

Никаких проблем, если верить Фурухьельму, он только улыбнулся и кивнул, когда она уведомила его об этом. Кроме того, сам будучи юристом, прекрасно представлял, о чем идет речь.

– Есть еще один практический момент. – Анника Карлссон тоже улыбнулась. – Нормально, если я буду называть тебя Хаквином?

Абсолютно нормально, по словам ее собеседника. Его имя было, конечно, Густав, Хаквин же добавкой, полученной в честь одного из крестных отцов, но еще в раннем детстве он заработал прозвище Хаке, даже Хаке Дятел, если кто-то хотел посмеяться над ним.

– Тогда я буду говорить тебе Хаквин, – сказала Анника Карлссон. – По-моему, это красивое имя. С оттенком старины, как бы из глубины веков. Кроме того, я впервые разговариваю здесь с человеком, которого так зовут, – продолжила она и улыбнулась. – Хотя уже пятнадцать лет в полиции.

– Я понимаю, о чем ты говоришь. – Фурухьельм кивнул с серьезной миной. Немного даже, пожалуй, печально. – Среди хулиганов нет таких, кого зовут Хаквин.

– Прекрасно, понимаешь, что ты имеешь в виду, – улыбнулась Анника Карлссон. – Я захотела поговорить с тобой потому, что, как мне кажется, ты хорошо знаком с озером Меларен и шхерами там, где находится лагерь скаутов.

Если верить Фурухьельму, что касается его хорошего знакомства с озером, это было даже слабо сказано. Он начал ходить под парусом еще маленьким мальчиком, когда отец подарил ему его первый ялик, Хаквину только исполнилось десять лет. Он, конечно, был городским ребенком, но его семья уже в течение трех поколений владела усадьбой в Сталлархольмене с южной стороны озера Меларен, и именно там он проводил каждое лето в детстве и юности.

– Я знаю Меларен, – сказал Хаквин и улыбнулся. – И кое-какие другие озера и моря. Недавно я подсчитал, что провел почти три тысячи дней на борту различных парусников. Совершил две кругосветки, пересекал Атлантику девятнадцать раз на пути в США, на Карибы, в Мексику, Южную Америку и назад домой.

– Как ты попал сюда в последний раз? – уточнила Анника Карлссон.

– О чем ты? – Хаквин Фурухьельм, похоже, не понял вопроса.

– Девятнадцать раз, – напомнила Анника Карлссон.

– Извини, сейчас до меня дошло, – сказал Фурухьельм, явно восторженно. – В двадцатый я прилетел домой.

– Неужели произошло кораблекрушение? Или сломалась мачта?

– Нет, – ответил Фурухьельм, посерьезнев. – Все это было не так страшно. Беда случилась с моим отцом. Он тогда перенес первый инфаркт. Мне пришлось срочно сесть на самолет во Флориде и лететь домой в Стокгольм. С тех пор минуло десять лет. Тогда он выжил, но во второй раз... Отец умер пять лет назад.

– Печально слышать, – посочувствовала Анника Карлссон.

– Ему уже стукнуло восемьдесят, когда смерть пришла за ним. Это не стало громом среди ясного неба, и он оставил о себе светлую память.

«Самое время поменять тему», – подумала Анника Карлссон.

– Как ты успевал с работой? – спросила она. – При всех этих путешествиях, я имею в виду.

– Пожалуй, не лучшим образом, – пожал плечами Хаквин Фурухьельм. – Людям выпадают разные судьбы, кто-то из нас рождается под счастливой звездой. Я из таких.

– Парусный спорт твоя главная страсть в жизни?

– Да. – Хаквин Фурухьельм кивнул в знак подтверждения своих слов. – Ты сама когда-нибудь ходила под парусом?

– Случалось пару раз. Честно говоря, мне кажется, это не мое.

– Не говори так. Это же фантастика. Неопишуемое ощущение. Ты поднимаешь парус, и ветер наполняет его, берешься за штурвал, и суденышко, в котором ты находишься, превращается в живое существо. Дай знать, если передумаешь, – улыбнулся Фурухьельм.

– Обещаю, – сказала Анника Карлссон. – Скауты, – продолжила она, – насколько я понимаю, твой второй большой интерес.

По словам Хаквина Фурухьельма, одно просто вытекало из другого. Первая парусная лодка, когда ему исполнилось десять. Скаутский отряд год спустя. Одно и то же отделение все время, на острове Экерён озера Меларен. Скаут уже скоро тридцать пять лет, сначала в качестве рядового, потом руководителя группы, а последние десять лет заведующий отделением.

– Я стараюсь находиться там на протяжении месяца каждое лето, – сообщил Хаквин Фурухьельм. – Считаю это моим долгом.

– Остров Уфердсён, что ты можешь рассказать о нем? – спросила Анника.

– Все, – ответил Хаквин Фурухьельм. – Уфердсён – это земля приключений моего детства. Начиная с первого лета, когда я оказался на острове Экерён, и вплоть до той поры, когда юношей стал руководителем группы, мне пришлось побывать там по меньшей мере сотню раз. Я и мои лучшие друзья обычно ходили туда под парусом из лагеря. Взрослые доверяли нам. Много позволяли. Не как сейчас, когда ты должен быть рядом с руководителем группы и в спасательном жилете, стоит тебе проснуться и выйти из домика. Мы с друзьями могли справляться со всем сами. У нас образовалась небольшая компания, трое парней одного возраста, неразлейвода. Мы набивали мешки провизией, брали с собой переносной гриль, палатку, если требовалось, и отправлялись на остров Уфердсён. Иногда и другие парни, составлявшие нам компанию. Порой набиралось пять, шесть лодок с пятнадцатью, двадцатью скаутами. Мы играли в пиратов, строили деревянные хижины, откуда можно было следить за озером, если кто-то приближается. Мы были пиратами, морскими разбойниками и устраивали морские сражения... Это была просто фантастика. Помнится, мы как-то повесили веревку на дереве у берега, раскачивались на ней и прыгали в воду, соревновались, кто дальше улетит. Даже ходили по острову с луками и стрелами, которые делали сами, и пытались добыть себе еду.

– И как, получалось?

– Нет, честно говоря, – рассмеялся Хаквин Фурухьельм. – Я промахнулся по крайней мере сотню раз, пытаюсь стрелять в чаек, которых мы могли бы поджарить. Но это не имело значения. У нас были с собой и колбаса, и гамбургеры, и рыбный паштет, и все иное, необходимое для выживания.

– Вы поступали разумно, – одобрила Анника Карлссон.

«Примерно как и Бекстрём», – подумала она.

– Это была просто фантастика, – повторил Хаквин Фурухьельм. – Не только лучшие лета в моей жизни, но также и лучшие дни. В этом возрасте кажется, что лето никогда не кончается.

– Но почему именно Уфердсён? – спросила Анника Карлссон. – Я побывала там, если тебе интересно. Остров ведь кажется совсем негостеприимным местом. Кроме того, с дурной репутацией. По словам Эдвина, там есть привидения.

– Да, конечно. Все так же обстояло и в мое время, – кивнул Хаквин Фурухьельм. – В этом и была суть. Поэтому он так и манил. Опять же нас там никто не беспокоил.

– А разве яхтсмены и любители водных прогулок не причаливают туда?

– Нет, – ответил Фурухьельм и покачал головой. – Так было и в то время. Во-первых, к острову можно подойти только в одном месте, хватает мелей и скал вокруг него. Кроме того, он выглядит не слишком привлекательно. Любители водных прогулок в наши дни предпочитают комфорт, для них имеется много гостевых гаваней в этой части озера Меларен. Но для нас не было ничего лучшего.

«И не только для вас», – подумала Анника Карлссон и ограничилась кивком.

– Последний вопрос, – сказала она. – Ничего не случилось ни с кем из вас, когда вы находились там? Никто не утонул? Может, в кого-то случайно попали стрелой?

– Нет, – ответил Хаквин Фурухьельм. – Плавать мы все умели, конечно. Плавали как рыбы. Немного крови из носа порой, когда игра заходила слишком далеко. Кто-то спотыкался и падал. Нет, ничего серьезного. Худшее, что случилось, так это когда один из моих друзей свалился с дерева и сломал ногу. Мы как раз строили нашу хижину. Для наблюдения за озером.

– Как вы тогда поступили?

– Ну, нам пришлось прерваться, конечно. Мы доставили его в лагерь. Но на следующий день он вернулся назад с гипсом от колена и ниже. Так что не произошло ничего страшного.

– У меня больше нет вопросов, – сказала Анника Карлссон десять минут спустя. – Я должна поблагодарить тебя за помощь. Если вспомню что-то, о чем забыла спросить, дам знать о себе.

– Естественно. И если передумаешь, тебе достаточно дать сигнал.

– Передумаю? Ты о чем?

– Если захочешь пережить это ощущение, – пояснил Хаквин. – Когда ветер наполняет парус и судно под твоими ногами внезапно оживает. Начинает жить собственной жизнью.

21

Кристин Олссон и Адам Олешкевич под руководством инспектора Яна Стигсона делали подборку данных об исчезнувших женщинах. Ян считал эту задачу довольно сложной и опасался, что у них уйдет несколько недель на проверку различных полицейских регистров.

– В таком случае у меня есть предложение, – сказала Кристин Олссон.

– И какое же? – поинтересовался Стигсон.

Имелся способ сэкономить время, если верить Олссон.

Возможно, кратчайшая дорога к нужному результату.

– В Государственной криминальной полиции есть подразделение, занимающееся исчезнувшими людьми. И в имеющийся там национальный регистр в постоянном режиме поступают данные от всех полицейских властей. Как думаешь, может, мы в качестве первого шага просто поболтаем с ними?

– Стоит попробовать, – согласился Стигсон.

По крайней мере, идея была неплоха, притом что сам он на выходные собирался домой в Даларну и хотел бы отправиться в дорогу вовремя, предварительно затарившись алкоголем и всем другим необходимым.

– Кто позвонит им, ты или я? – спросил Стигсон, поскольку уже с нетерпением ждал обеда и, на всякий случай, взглянул на часы с целью показать, что сам думает по этому поводу.

– Я обо всем позабочусь, – заверила Кристин Олссон. – Будь спокоен.

– Хотя у них тоже многие в отпуске, конечно, – заметил Стигсон с кислой миной. – Как и везде в это время года. Но все равно попробуй.

Через четверть часа все было сделано. Одна из коллег в ГКП не только оказалась на месте, но также относилась к тем, кто даже в такую пору не собирался отлынивать от работы и отвечал сразу, как только звонил телефон. Кристин Олссон объяснила ей, о чем шла речь, и ее перебили, едва она успела изложить суть дела.

– Я все сделаю, дайте мне только пару часов. А потом приезжайте, и мы сможем пройтись вместе по тому, что мне удастся накопать. Есть некоторые проблемы с такими данными, и их легче обсудить при личной встрече.

– Это просто феноменально, – сказала Кристин.

– Да так себе, – возразила коллега. – Все не так просто, как кажется. Но подробно я расскажу при встрече.

* * *

Через три часа Стигсон, Олссон и Олешкевич сидели в маленькой совещательной комнате в Государственной криминальной полиции на Кунгсхольмене и пили кофе, тогда как их коллега из подразделения по розыску пропавших объясняла им, что не так с данными, с которыми работала она и ее коллеги по отделу.

Каждый год в различные полицейские органы страны поступало более пяти тысяч заявлений об исчезновении людей – взрослых женщин и мужчин, подростков и детей, и в более чем 90 процентах случаев они делали это по собственной инициативе и столь же добровольно возвращались в течение суток или нескольких недель, после чего открытые относительно них дела закрывали и отправляли в архив.

Но приблизительно с сотней из этого числа все обстояло гораздо сложнее, поскольку с ними что-то случалось. Внезапная болезнь, несчастный случай, самоубийство и порой убийство. Последняя из названных категорий была наименее многочисленной в данной связи.

Большинство исчезнувших обычно возвращались, хотя могли пройти месяцы или даже годы, прежде чем это происходило. Оставались те, кого так никогда и не находили.

– Если мы говорим о последних десяти годах, то речь идет всего о трех сотнях человек, трех десятках за год, – объяснила коллега. – Из них женщин набирается порядка сотни. У нас, конечно, есть все списки, и с их помощью можно отобрать известные данные, касающиеся таких исчезновений, но также и здесь у нас возникнут проблемы.

– Какие именно? – спросил Стигсон.

– Во-первых, есть случаи, не попадающие в статистику. Реальные потеряшки, об исчезновении которых никто никогда не заявлял. И это касается в наибольшей мере лиц иностранного происхождения и тех, кто временно находился в Швеции. Это одна проблема, и, на мой взгляд, данная группа достаточно велика.

– А вторая? – поинтересовался Стигсон. – В чем состоит она?

– Часто люди того же рода, каких я только что назвала. Они пропали, относительно их исчезновения написаны заявления, они вернулись на свою родину и никогда не давали знать о себе снова, хотя живы и здоровы. Их также наверняка довольно много.

– В результате у нас получается перебор в статистике, – констатировала Кристин Олссон.

– Но, к сожалению, все не так просто, чтобы мы могли погасить одних другими. Во-первых, у нас есть люди, исчезнувшие, но так, что мы не знаем об этом. Во-вторых, попавшие в наши бумаги и которых мы не смогли убрать из них, хотя нам следовало бы так поступить, если бы мы имели полные данные.

– И что мы можем сделать? – спросил Стигсон.

– Не так много, – ответила коллега и улыбнулась. – Но, само собой, если у тебя есть какое-то разумное предложение, я буду очень рада. Я дам вам все, что могу, и, вернувшись в Сольну, вы найдете списки в вашей электронной почте. Хотя один можете получить уже сейчас, – продолжила она и показала лист бумаги. – Я уже распечатала его. Таиландские и филиппинские женщины, об исчезновении которых было заявлено в полицию Швеции за последние десять лет и которых так и не нашли. Семь из Таиланда и две с Филиппин.

– Порой приходится довольствоваться малым, – сказал Стигсон и улыбнулся.

– Угу, хотя как раз в данном случае я не исключаю, что, пожалуй, все из данного списка, возможно, устали от своих мужиков, притащивших их сюда, и предпочли уехать домой, так никогда больше не дав знать о себе. Или наоборот, что они оказались в руках по-настоящему злых типов, убивших и закопавших их, но по вполне понятным причинам не рассказавших нам об этом, когда мы разговаривали с ними.

– Да, печальная история, – пробормотал Стигсон и перестал улыбаться.

– За неимением лучшего, вам придется расстараться. Сама я для начала подберу заявления об их исчезновении. Кто знает? Может, вам повезет, и она среди них.

Пятница ушла на ознакомление с материалами девяти расследований, касавшихся женщин из Таиланда и с Филиппин, о пропаже которых в полицию поступили заявления, но которых так и не удалось найти. В семи случаях тревогу подняли мужчины, имевшие с ними отношения на момент исчезновения. В одном в качестве заявителя выступила подруга и еще в одном сослуживец из той фирмы, где потеряшка работала. Ни одно из дел не было особенно толстым, наиболее объемистое содержало пару сотен страниц, в основном распечаток допросов людей, знавших ее. Ни в одной из них не нашлось данных того рода, какие могли привлечь внимание опытного полицейского.

Обычное объяснение, которое партнер каждой давал полиции, состояло в том, что отношения между ними уже какое время были сложными, они ссорились перед исчезновением и что женщина упаковала свои вещи и покинула его.

Затем выполнялись рутинные проверки паспортов, кредитных карточек и мобильных телефонов. Паспорта, как правило, отсутствовали, большинство, похоже, полностью или по крайней мере частично опустошили свои счета, пара из них купила авиабилеты за границу, и три из всех телефонов использовались после исчезновения для разговоров, как в Швеции, так и за границей. Ни одна из них не позвонила своему бывшему парню. Расследования постепенно свернули, заявления остались лежать, дела никто не закрыл. Главным образом, на всякий случай.

Во второй половине дня в пятницу Олешкевич доложил результаты их работы Аннике Карлссон. Он удостоился этой чести, поскольку Стигсон исчез со службы еще до обеда, так как ему требовалось разобраться с кое-какими личными делами перед выходными, а Кристин Олссон отправилась к врачу, куда была записана на послеобеденное время.

– Что мы делаем дальше? – спросил Олешкевич.

– Продолжаем копать глубже в том же направлении, – решила Анника Карлссон. – Проверим, есть ли стоматологические карты, или ДНК, или что-то иное, чем мы сможем воспользоваться. Возможно, нам придется связаться с нашими зарубежными коллегами. Хотя ты, пожалуй, надеялся немного отдохнуть на больничном?

– Нет, вовсе нет, я с удовольствием буду работать.

– Хорошо, – сказала Анника Карлссон. – В понедельник вы с Кристин получите шефа, который знает, как действовать. Не беспокойся. Без дела не останешься.

– У меня есть один вопрос, – сказал Олешкевич. – Относительно Бекстрёма, если можно, конечно.

– Да, – подтвердила Анника Карлссон, наклонилась вперед, не вставая со стула, и широко улыбнулась. – Без проблем.

– Он, похоже, чуть ли не всевидящий. – Олешкевич покачал головой. – Я подумал о том, что касается самое большее десяти имен. А потом их оказывается девять. Откуда он мог знать?

– Я понимаю, о чем ты говоришь. Но дело не в том, что он всевидящий, – ответила Анника Карлссон. – На твоём месте я, кроме того, остереглась бы разговаривать с ним об этом. Он ненавидит провидцев. И как только их не называет. Мошенниками, пройдохами, придурками. Вдобавок, если такой человек способен помочь с чем-то, до чего он сам не смог додуматься, он уверен, что сей персонаж замешан в данном преступлении. Тому, что Бекстрём своим умом доходит до вещей, которые никто другой не обнаруживает, есть совсем другое объяснение. Во всяком случае, если верить ему самому.

– И какое же именно?

– Что он единственный настоящий специалист по расследованию убийств. Не только в Швеции или в мире, но и во всей мировой полицейской истории. Другие просто идиоты или того хуже. Если ты хочешь завоевать благосклонность Бекстрёма, я могу дать тебе один совет.

– И какой же?

– Предложи ему называть тебя Олссоном с двумя «з». Таков он, комиссар Эверт Бекстрём, если коротко его охарактеризовать.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – сказал Олешкевич.

– Отлично, – ответила Анника Карлссон. – Увидимся в понедельник.

22

Лицензиат теологии Фредрик Линдстрём был церковником старой закалки. Уже более ста лет назад, в 1910 году, он стал священником Шведской церкви в архиепархии Упсала и пять лет спустя получил свой первый собственный пасторат.

Линдстрём был крупным и привлекательным мужчиной. Блондином с голубыми глазами и красивым баритоном, хорошо подходившим для пения псалмов и чтения проповедей. К тому же практичным человеком, который жил и действовал в то время, когда деревенский святой отец умел не только утешить вдову и подковать лошадь, но также зарезать свинью. И вдобавок обладал страстной жадой к новым знаниям, особенно что касается истории и краеведения.

В 1915 году, когда в Европе бушевала Первая мировая война, Линдстрёма назначили пастором прихода Хельгё на островах Меларёарна к западу от Стокгольма, и уже два года спустя он смог опубликовать небольшую рукопись о том, как остров Уфердсён получил свое название. Местное Краеведческое общество удостоилось чести издать ее перед самым Рождеством 1917 года, и, возможно, как раз из-за времени, когда это происходило, она имела огромный успех. Впервые за все пятьдесят лет своей издательской деятельности Краеведческому обществу пришлось напечатать второй тираж брошюры под названием «Краткое описание того, как остров Уфердсён получил свое название, составленное пастором прихода Хельгё, лицензиатом теологии Фредриком Линдстрёмом». Однако о том, что тот же труд через сто лет сыграет решающую роль в шведском расследовании убийства, его автор, несмотря на свою близость к Творцу, наверняка и представить не мог.

Придя к себе в дом рядной застройки в Спонге, комиссар Петер Ниemi сначала поужинал в одиночестве, поскольку его жена и дети остались в их летнем домике в Торнедалене. Потом он поговорил с ними по телефону, посмотрел телевизор, особо не задерживаясь ни на какой программе, и за неимением лучшего закончил вечер тем, что взял творение Линдстрёма с собой в постель с целью почитать перед сном. В брошюре было три десятка страниц, расска-

зывавших историю, которую некий шведский морской полицейский, явно живо интересовавшийся шхерами озера Меларен, похоже, воспроизвел довольно точно сто лет спустя.

Там также имелась карта, показывавшая, как Уфердсён выглядел до того, как «оказался во власти злых сил». Что касается вопроса вины, пастора Линдстрёма явно не мучили никакие сомнения, и, несмотря на отсутствие у него реальных доказательств полицейского свойства, он также не стеснялся в выражениях по данному пункту. Происходившее на острове было «кознями дьявола» и не имело никакого отношения к обычным грехам людей. Одновременно это служило необходимым напоминанием о том, что зло постоянно пряталось где-то по соседству и использовало любую возможность, лишь бы проявить себя.

Наиболее интересным, однако, выглядело нечто совсем иное, чем местами откровенно пахивавшие серой теологические разглагольствования Линдстрёма: несколько коротких строчек мимоходом о том, что Петер Ниemi и его коллеги не нашли, хотя им следовало это сделать. Впрочем, если содержание труда пастора в данной части было правдой, речь ведь все равно шла о том, что не могло никуда убежать от них.

«Вполне может подождать до понедельника», – решил Ниemi, широко зевнув и выключив лампу на своей тумбочке.

«Интересно, как пастор Линдстрём отнесся бы к священникам-женщинам», – подумал он, засыпая.

Комиссар Тойвонен никогда не поверил бы, что ему будет не хватать Анны Хольт. В связи с реорганизацией шведской полиции она оставила свой пост шефа полиции Сольны ради более высокой должности в Государственном полицейском управлении. И, проработав всего неделю с ее преемником, Тойвонен от всего сердца сожалел об уходе его предшественницы.

После обеда в четверг, когда Утка Карлссон допрашивала Хаквина Фурухельма для получения информации, Тойвонен случайно столкнулся со своим новым шефом перед винным отделом торгового центра Сольны, куда он спешил, чтобы затариться на выходные, взять коробку крепкого пива и пару бутылок шнапса к селедке.

Нового шефа звали Карл Боргстрём, изначально он был социальным работником, а когда его пригласили занять пост главы полиции Сольны, трудился руководителем пиар-службы страховой кассы в Стокгольме. Логичное назначение при мысли о том, что политики и высокопоставленные чиновники, формировавшие новую организацию посредством «крупнейшей реформы в истории шведской полиции», свято верили, что главным недостатком старой структуры было ее нежелание играть «роль гражданской сервисной организации», и что именно люди, подобные Боргстрёму, не имевшие ни малейшего понятия о полицейской работе, лучше всего подходили для руководств данной деятельностью.

Тойвонен, которого проще всего можно было описать как настоящего констебля старой закалки, делившего людей на тех, кто уже успел побывать за решеткой, и тех, кого пока миновала сия участь, имел иной взгляд на вещи, поэтому глубоко и от всей души невзлюбил Карла Боргстрёма с первой минуты знакомства. Пока ему удавалось решать данную проблему, избегая шефа. Вплоть до того момента, когда он внезапно столкнулся с ним. В наилучшем из возможных мест.

– Тойвонен. – Боргстрём и радостно махнул ему рукой. – Приятно видеть тебя.

И вместо того, чтобы просто поспешить прочь, притворившись, будто он не услышал и не увидел шефа, Тойвонен остановился и заговорил с ним. Хуже того, принял приглашение выпить вместе по чашечке кофе в близлежащем кафе.

– Рассказывай, – сказал Боргстрём и наклонился к Тойвонену. – Но случилось ли чего-то такого, о чем мне необходимо знать?

И тогда он, вероятно поддавшись временной слабости, поскольку крайне неудачное место встречи сильно повлияло на него, вместо того чтобы просто покачать головой и перевести разговор на то, как им повезло с погодой в это лето, сглупил и рассказал о черепе, который нашел малыш Эдвин и который пару дней назад стал предметом расследования отдела тяжких преступлений.

Боргстрём сразу же попытался навязать ему прокурора в качестве руководителя проводимого Бекстрёмом дознания. Однако Тойвонену по данному пункту удалось отбиться от него, сказав, что, судя по всему, речь скорее шла о самоубийстве, чем об убийстве.

Однако случившееся потом оказалось гораздо хуже. Даже настолько плохо, что пару раз Тойвонен подумывал извиниться перед Бекстрёмом, хотя не любил его еще больше, чем Карла Боргстрёма.

23

После четвергового совещания Бекстрём отвел Аннику Карлссон в сторону, чтобы выпустить пар. Чертов финик Тойвонен, наверное, решил поиздеваться над ним, прислав ему двух инвалидов, Олссон с двумя «с» и парня с кучей согласных в фамилии, и сейчас ей требовалось позаботиться о том, чтобы он смог получить толковое подкрепление.

– Разберемся, – сказала Анника Карлссон, не вдаваясь в подробности, как собиралась это делать.

– Мне нужно спешить, – сообщил Бекстрём и на всякий случай посмотрел на часы. – У меня встреча с группой по проведению реорганизации в Главном полицейском управлении, и боюсь, она затянется до конца дня. Увидимся утром.

– Да, столько хлопот с этой реформой, – кивнула Анника и дружелюбно улыбнулась ему. – Но ты должен пообещать мне не забывать о желудке.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Бекстрём и подозрительно уставился на нее.

– Регулярное питание. Это ведь важнее всего, – объяснила Анника Карлссон с невинной миной. – Независимо от объема работы, – добавила она.

«Достали все», – подумал Бекстрём, сидя в такси на пути к ресторану на Страндвеген, где он чаще всего обедал по четвергам, то есть в тот день, когда действительно требовалось набраться сил перед рывком на финише недельной дистанции на работе и приближающимися выходными.

После нескольких датских бутербродов на ржаном хлебе с настоящим салом вместо масла, где оно служило подложкой для самых разных деликатесов, которые горой накладывались сверху: филе селедки с луком и каперсами, копченого угря с яичницей, печеночного паштета с маринованным огурцом и жареной телятины с рябиновым желе, а также пары рюмок водки для улучшения пищеварения и обычного холодного пива к Бекстрёму наконец вернулось душевное спокойствие, и остаток дня он провел в своей обычной манере. Отдохнул после обеда, прогулялся пешком до своего любимого ресторана, после чего вернулся в собственное жилище и, как всегда, посвятил вечер четверга просмотру своей электронной почты и ответам на наиболее интересные послания.

«Пора на покой», – подумал Бекстрём, допив свой последний вечерний коктейль, и отправился в ванную чистить зубы.

Пятница выдалась напряженной для Бекстрёма. Сначала он на короткое время посетил свой офис с целью убедиться, что все сотрудники работали в точном соответствии с его указаниями, а во всем остальном держали себя в руках. Затем просмотрел свою последнюю входящую корреспонденцию, не открывая ее, после чего в знак особой благосклонности сделал

исключение своему новому шефу, явно настолько жаждавшему встречи с ним, что за один час прислал два сообщения одинакового содержания.

«Сожалею, но я буду на совещании группы по проведению реорганизации в управлении весь день, а в понедельник и вторник у меня встреча в совете по планированию реформы. Тебя устроит конец следующей недели?» – закончил Бекстрём свой ответ, а потом отправил его и выключил компьютер на выходные.

«Черт бы тебя побрал, – подумал он. – Половину жизни занимался тем, что подталкивал людей совершать страховые мошенничества и раздавал миллионы инвалидам-колясочникам, тратившим их на кругосветные путешествия, экзотические напитки с зонтиками, посещение пирамид и рыбалку на Карибах, прежде чем занял пост шефа полиции Солны, где явно намеревается провести вторую половину своей карьеры. Наша любимая старая Швеция катится напрямик в пропасть», – заключил Бекстрём, и единственной возможностью выжить для него самого было сохранять верность своим привычкам.

По пятницам он ввел в свою программу дополнительный пункт как раз в целях улучшения физического здоровья и душевного равновесия. Один час массажа и общего расслабления у его польского физиотерапевта Мадам Пятницы, после окончания традиционного обеда в баре на Фридхемсгатан.

Возвращаясь домой для послеобеденного отдыха, он столкнулся на лестничной площадке с малышом Эдвином. Мальчик выглядел унылым, и Бекстрём пригласил его для разговора. Но сначала он приготовил себе водку с тоником, льдом и лимоном и фанту с соломинкой своему маленькому другу.

– У тебя не самый здоровый вид, Эдвин, – констатировал Бекстрём. – Я могу чем-то тебе помочь?

Уже пару дней мальчику снились кошмары о черепах. Его мать Душанку настолько это беспокоило, что она договорилась о визите к психологу, куда они вдвоем собирались отправиться в понедельник. Но Эдвин совершенно этого не хотел.

Бекстрём мобилизовал все свое глубокое сочувствие и попытался успокоить его. Работа специалиста по расследованию убийств, конечно, имела негативные стороны, но как раз от черепов стоило ожидать меньше всего опасности в данной профессии. Скорее дело обстояло совсем наоборот, и найденный Эдвином череп находился на его и Бекстрёма стороне, а вот кому действительно следовало беспокоиться, так это тому, кто всадил в него пулю и, скажем так, превратил из обычной головы в череп.

– Поверь мне, Эдвин, – сказал Бекстрём, – есть некий высший смысл в том, что именно ты нашел его, и, по моему глубокому убеждению, он сразу понял, что как раз благодаря тебе справедливость, в конце концов, восторжествует. Мы поймем того, кто стрелял в него, и сможем увидеть, как он окажется за решеткой и ответит за свое преступление.

– Я понимаю, что комиссар имеет в виду, – ответил Эдвин, который теперь выглядел бодрее. – Хотя с моей стороны было глупо пинать его ногой.

– Но подожди, – остановил его Бекстрём. – Хватит корить себя. Ты же пнул не череп, а гриб-дождевик.

– Да, конечно, но откуда он мог это знать, – возразил Эдвин.

– Само собой, он все понял, – заверил мальчика Бекстрём. – Можешь не сомневаться, а также простил тебя. Кстати, пока он еще ходил живехоньким по земле, наверняка также пнул бы дождевик, если бы увидел его. Так ведь все поступают.

– Да, это понятно, – согласился Эдвин, чье настроение, судя по выражению его лица, явно улучшилось. – А как все будет со злодеем? Как вы думаете, комиссар, мы сможем поймать его?

– Естественно, – твердо произнес Бекстрём. – И это произойдет не без твоей помощи, да будет тебе известно. Ты, я и череп на одной стороне. Если кто-то и должен волноваться и страдать кошмарами по ночам, так это наш злодей.

– Отлично, – сказал Эдвин.

– Кстати, вот еще что, – продолжил Бекстрём и, выудив из кармана свой толстый зажим для купюр, отсоединил от него верхний слой. – Как ты наверняка понимаешь, тебя ждет вознаграждение, и я собираюсь уже сейчас дать тебе аванс, чтобы ты смог купить себе несколько новых компьютерных игр.

– Ого! – воскликнул Эдвин, и от его унылого вида не осталось и следа.

«Надо направить на путь истинный мамашу парня», – подумал Бекстрём, закрыв дверь за ним. Стоило мозгоправам взяться за парня, и пиши пропало, тогда пострадал бы не только мальчик, но и сам Бекстрём, который потерял бы надежного помощника. Конечно, еще не вышколенного до конца и не совсем взрослого, но последнее было ведь лишь вопросом времени. Все еще немного физически слабоватого, что наглядно проявилось в последний раз, когда Бекстрёму перед летом понадобилось закупить содовую для коктейлей: тогда Эдвину пришлось ходить в магазин четыре раза, поскольку он не мог нести два пакета одновременно.

«Не велика проблема, и скоро парень вырастет, а в худшем случае можно будет ввести ему немного гормонов роста, а потом он получит водительские права, право покупать алкоголь и станет для меня кем-то вроде лакея, когда я достигну осени жизни», – подумал Бекстрём и довольно вздохнул.

Для него пришло время вздремнуть, поскольку он собирался поужинать вместе со своим старым знакомым Гегуррой.

«Затем бодрящий душ и опять в седло», – решил Бекстрём и уже взял курс на свою спальню, когда кто-то позвонил в его дверь.

24

Бекстрём очень осторожно прошел в прихожую с Зигге в правой и мобильником в левой руке.

«Судя по звонку, явно не Эдвин, забывший сказать что-то и вернувшийся по этой причине», – подумал он, выводя на экран мобильного картинку с установленной на лестничной площадке камеры.

И действительно, это был не соседский мальчик. А Анника Карлссон, та самая Утка, при мыслях о которой его прошибал холодный пот, стоило ему вспомнить, как она в последний раз неожиданно заявила в его жилище. Сначала он стоял тихо как мышь в надежде, что Анника подумает, что его нет дома, но она принялась барабанить в дверь кулаком, отчего вся квартира задрожала от пола до потолка.

– Кончай заниматься ерундой, – сказала Утка Карлссон. – Я знаю, ты дома. Видела Эдвина, когда он уходил.

– Я занят, – ответил Бекстрём. – У тебя что-то важное?

«Она, наверное, сталкер», – подумал он.

– Так, послушай-ка, – взорвалась Анника Карлссон, – мне надо поговорить с тобой, и, если не откроешь, я расстреляю чертову камеру, которую ты спрятал под потолком.

– Скажи, о чем пойдет речь, – настаивал Бекстрём.

– Во-первых, нам надо поболтать о чокнутом Боргстрёме. Он на стену лезет от злости, поскольку не может найти тебя. А во-вторых, у меня есть предложение о том, как я могла бы вернуть занятые у тебя деньги.

– Да, я слушаю, – сказал Бекстрём, одолживший Утке Карлссон миллион, когда она купала себе новую квартиру, и давно не наблюдавший с ее стороны никаких усилий погасить долг. Сейчас она, похоже, наконец решила взяться за ум, хотя ей давно следовало это сделать при мысли обо всех напоминаниях, которые он ей послал.

- Кроме того, я обещаю даже не прикасаться к тебе, если ты этого боишься.
- Ладно, ладно, – пробормотал Бекстрём. – Дай мне минуту.

Потом он надел свой махровый халат, как можно сильнее затянув пояс и на всякий случай сделав двойной узел, прежде чем открыл дверь и впустил Карлссон.

Утка Карлссон бросила свою куртку на стоявший в прихожей стул и, шагнув в его гостиную, расположилась на диване. Бекстрём предпочел не садиться в свое кресло. На случай, если она попытается пойти на сближение, для него было лучше занять старинный стул с подлокотниками, находившийся у самого выхода в прихожую. Насколько он мог видеть, она была без оружия, во всяком случае, он не заметил ни плечевой кобуры, ни наручников, и это представлялось ему хорошим признаком. И все равно сам ее вид, как обычно, нагонял страх, и она даже делала какие-то таинственные упражнения для растяжения мышц, сидя на его диване.

«Целиком и полностью опасна для жизни, мускулатура повсюду», – внутренне содрогнулся Бекстрём.

– Красиво у тебя стало после ремонта, – заметила Утка, улыбнулась и явно одобрительно кивнула по поводу увиденного. – И сколько комнат у тебя теперь? Четыре и пять?

– Четыре, – солгал Бекстрём. Имелась еще и пятая, которую переделали в его тайное убежище и куда у него и мысли не возникло бы пустить Утку Карлссон.

– Невероятно красиво, – повторила Утка и кивнула снова. – Ты не против, если я немного прогуляюсь по твоему дому?

– Нет уж, – сказал Бекстрём и покачал головой. – Ни в коем случае. Ты вроде о чем-то хотела поговорить, – напомнил он. «За кого она меня держит?»

– Наш блюдолиз Боргстрём охотится за тобой, – сообщила Утка Карлссон. – Он приходил ко мне в кабинет пару часов назад. Я никак не могла от него отделаться.

– И чего он хотел?

– Спрашивал, не занимаемся ли мы каким-то тайным расследованием убийства. Женщины, застреленной на острове озера Меларен.

– И что ты сказала ему?

– Рассказала все, как есть, – призналась Утка Карлссон. – А как бы ты поступил на моем месте?

– Все зависит от того, с кем разговариваешь, – буркнул Бекстрём.

«Насколько глупы бывают люди», – подумал он.

– Я тоже это понимаю, – сказала Утка Карлссон. – Поэтому поведала ему, что мы получили часть старого черепа с пулевым отверстием в виске. Что, предположительно, он принадлежал женщине, и ему вполне могло быть сто пятьдесят лет, и, судя по всему, речь шла о самоубийстве.

«По крайней мере, что-то, – решил Бекстрём и кивнул. – Хотя не так глупо».

– Он хотел навязать нам прокурора в качестве руководителя расследования. Болтал о каком-то новом правиле, согласно которому надо сразу же подключать их, когда дело касается тяжкого преступления. Что бывший социальный работник может понимать в юриспруденции?

– Да, он, похоже, что-то не так понял, – предположил Бекстрём. – Можешь передать ему привет от меня. И что там относительно другого? Ты вроде хотела вернуть долг?

– Точно, – подтвердила Утка и улыбнулась. – У меня есть предложение, которое, по моему, тебе понравится. Не возражаешь, кстати, если я возьму себе пива?

«А разве у меня есть выбор?» – подумал Бекстрём и мотнул головой в направлении кухни.

– А ты ничего не хочешь? – спросила Утка Карлссон. – Я могу смешать тебе водку с тоником.

– У меня уже есть, как видишь. – Бекстрём поднял свой стакан.

«Она, наверное, считает меня глупее ее, – подумал он. – Собственный рецепт Утки – половина водки, половина рогипнола и капля тоника сверху, забудь об этом».

Вернувшись через пару минут из кухни, Утка принесла с собой поднос с пивом, разной ерундой на закуску, бутылкой его лучшей водки и чем-то подозрительно напоминавшим водку с тоником, лимоном и льдом.

– На случай, если ты передумаешь, – объяснила она и показала на стакан с коктейлем. – Потом я обнаружила, что немного голодна. Взяла немного оливок и хамона. Вполне нормально для меня. Я рада, что ты не купил массу сырных палочек. Это же чистый яд.

«Хотя очень вкусно», – подумал Бекстрём, у которого целая коробка палочек лежала в кладовке, и у него даже мысли не возникало поставить ее в холодильник.

– Не против, если я плесну себе немного водки? – спросила Утка, налив приличную порцию в рюмку. – У нас же впереди выходные.

– Конечно, конечно, – ответил Бекстрём и внезапно почувствовал себя усталым. – У тебя есть какое-то предложение, о котором ты собиралась рассказать...

– Я как раз перехожу к этому. За нас, Бекстрём. – Утка подняла свою рюмку и опустошила ее за один раз, запрокинув голову, а потом сделала большой глоток пива, вдохнула глубоко от удовольствия и в довершение всего стерла остатки пены с губ тыльной стороной ладони.

«Женщина всегда остается женщиной», – подумал Бекстрём и сделал пару больших глотков из своего стакана.

– Твое предложение, – повторил он.

По расчетам Утки, она оставалась должна Бекстрёму не больше миллиона. Кое-какие проценты и часть суммы уже ведь все равно заплатила, хотя, пожалуй, не делала это ежемесячно, как обещала. По ее мнению, все слишком затянулось, и она придумала способ, как ускорить процесс.

– И каким образом? – поинтересовался Бекстрём.

«Наконец дело сдвинется с места», – подумал он.

– Натурой, – ответила Утка и широко улыбнулась. – Поскольку и знаю тебя, и фактически единственная, кому ты нравишься. Слишком много ненависти и любви между нами, как ты наверняка заметил, поэтому я решила, что ты должен получить скидку. Тысяча крон за раз, Бекстрём. Плюс, а это маленький бонус, который я могу предложить, все ролевые игры, ну, ты знаешь... Вся программа, начиная от непослушной школьницы в белой блузке, клетчатой юбке и гольфах и с собранными в два маленьких конских хвостика волосами. Также у тебя будет медсестра или строгая хозяйка – кожа, латекс, цепи, плетки, весь набор. Ты сможешь даже получить массаж от простатита, если захочешь. Тысячу раз. А когда мы закончим с этим делом, и поскольку, по моему глубокому убеждению, тебе уже некуда будет деваться, ничто не помешает нам пойти дальше, заключив соглашение более личного свойства.

«Эта дамочка не поддается никакому описанию, – подумал Бекстрём. – Там, где у обычных, нормальных и приличных людей находится совесть, там, где они хранят свою мораль, у нее лишь бездонная черная дыра, с духовным содержимым, которое до смерти напугало бы даже чокнутого французского дворянина, очевидно придумавшего всю эту грязь и пошлость».

– Тысяча крон, – повторил он.

«И что я должен ответить?» – мелькнуло у него в голове. Коктейль он уже выпил, поэтому с той стороны не мог надеяться на помощь.

– Вполне дружеская цена, – сказала Утка и сверкнула глазами. – Видел бы ты, какие предложения я получила, стоило мне выложить мои тренировочные фотографии в сети.

«Тысяча дней и ночей с Уткой Карлссон, – подумал Бекстрём. – Что, собственно, плохого в тысяче суток в обычной соленой шахте, в ножных кандалах и с кайлом в руках».

– Почему нельзя трахаться как все люди? – буркнул он.

– Ради бога. Немного традиционного секса. Ничего не имею против. Тебе решать.

Она поднялась с дивана, стащила с себя через голову футболку и уже через несколько секунд сидела совершенно голая на нем на его дорогом антикварном стуле, который Бекстрём получил от своего хорошего друга Гегурры в подарок на последний день рождения.

Его суперсалями первой предала хозяина. Поднялась по стойке «смирно» между ног в то время, как у него самого помутнело в голове, и он был не в состоянии оценить происходящее или сопротивляться ему. Утка Карлссон запрокинула голову и закричала, когда всего минуту спустя оказалась на вершине блаженства. Но тогда он сам уже безвозвратно проиграл.

– Ты можешь ведь подумать над этим предложением, Бекстрём, – сказала Утка Карлссон, покидая его пару часов спустя. – Я, пожалуй, готова немного снизить цену, – продолжила она, многозначительно кивнув в направлении распахнутых пол его халата. – Не хочешь получить легкий поцелуй, кстати?

– Это хорошо в любом случае, – кивнул Бекстрём.

«Она, пожалуй, чокнутая сверх всякой меры», – подумал он.

25

Вечером Бекстрём ужинал со своим старым знакомым Гегуррой. В последний раз они встречались давно, и, кроме того, у них накопилось много тем для обсуждения. Гегурру, собственно, звали Густавом Хеннингом, и он был очень успешным торговцем произведениями искусства. Их знакомство с Бекстрёмом продолжалось почти тридцать лет с выгодой для обоих. Никаких странных дел, только небольшие услуги, между друзьями, но в связи с расследованием одного преступления примерно год назад Бекстрём помог Гегурре достать бесценное художественное изделие всемирно-исторического значения. Музыкальную шкатулку в виде головы итальянского сказочного персонажа Пиноккио, чей нос начинал расти, стоило ему солгать.

Ее на заре двадцатого века изготовила в Санкт-Петербурге известная ювелирная фирма Фаберже по заказу последнего русского царя Николая II, подарившего сие творение в качестве пасхального подарка своему единственному сыну и наследнику престола Алексею, больному гемофилией. После этого шкатулка потерялась на долгие годы, пока Бекстрём сто лет спустя не нашел ее, расследуя одно убийство. А потом Гегурра позаботился о том, чтобы шкатулка вернулась в новую Россию, где Советский Союз считался теперь лишь эпизодом истории.

Бекстрём тоже не остался внакладе в результате данной авантюры. В мгновение ока его состояние увеличилось на сумму более чем вдвое превышавшую то, что он смог бы получить за всю жизнь, работая в качестве полицейского, причем так, что налоговый департамент оказался не у дел. Хотя все другие остались довольны и больше всех явно пока еще секретный русский покупатель, который в связи с празднованием двадцатипятилетия новой России в конце года намеревался обнародовать историческую сделку. Что стало также поводом ужина Бекстрёма с Гегуррой, поскольку им внезапно понадобилось много о чем поговорить.

* * *

По причине, в которую он не собирался вдаваться, Бекстрём опоздал, и ему пришлось позвонить Гегурре, прежде чем выйти из дому. Не велика проблема, и Гегурра сидел в вестибюле и ждал, когда Бекстрём вошел в ресторан. Увидев его, Гегурра сразу же отодвинул в сторону свой бокал шампанского, встал и развел руки в стороны в характерном для горячих южан жесте.

– Бекстрём, – сказал он. – Ты блестяще выглядишь. Рассказывай, что-то случилось?

– У тебя, похоже, жизнь тоже идет без проблем, – парировал Бекстрём и дружелюбно кивнул в ответ.

«Это не то, о чем ты захотел бы слушать, старый педик», – подумал он.

– Бодр, как всегда, – сказал Гегурра и отступил на полметра с целью лучше рассмотреть своего гостя. – Меня снедает зависть, когда я вижу тебя, Бекстрём.

«А ты сам ни капли не похож на заурядного цыганского барона, – подумал Бекстрём, пока суетливый метрдотель вел их к обычному столику. – Скорее на итальянского аристократа из другого времени. Идеален в малейших деталях, начиная от густых седых волос, белоснежной льняной рубашки и сшитого на заказ черного шелкового костюма и кончая итальянскими туфлями ручной работы, в которых отражался тусклый свет настенных ламп, мимо которых мы проходили».

При мысли о предмете ожидавшего их в этот вечер разговора Гегурра, обычно игравший роль хозяина при таких встречах с Бекстрёмом, решил придерживаться русской тематики. И прежде всего, это коснулось приветственного напитка – он отказался от своего обычного сухого мартини с оливками сбоку на тарелочке и заменил его маленькой рюмкой водки и стаканом минеральной воды. Бекстрём остался верен себе, заказав более реальную порцию водки и пиво, чтобы ее запить.

В качестве закуски они ели оладьи с топленым маслом, сметаной, мелко нарезанным луком, а также с черной икрой. Настоящую русскую водку, «Империя» наилучшего качества, Гегурра доставал с помощью своих русских знакомых. И в честь встречи он также выпил немного водки, прежде чем они пошли дальше согласно русскому обычаю. К пирогам с мясом и луком, котлете по-киевски, козьему сыру и тушеной груше Гегурра предпочел грузинское вино и даже осмелился тайком поменять заказанный Бекстрёмом в качестве последнего аккорда коньяк на армянский аналог и, только когда тот крайне лестно отозвался о нем, раскрыл его происхождение.

– Да, в еде и напитках, они, похоже, знают толк, – констатировал Бекстрём, не вдаваясь во все иное, вроде таинственных подводных лодок в шведских шхерах и бомбардировщиков, по большому счету еженедельно пролетавших над островом Готланд.

– Не только в этом, дорогой брат, – сказал Гегурра и слегка похлопал его по руке. – До них также явно дошло, сколь важную услугу ты оказал им. Трудно даже перечислить все награды, которых они собираются тебя удостоить.

– Рассказывай, – попросил Бекстрём и подался вперед.

«Самое время кому-то оценить меня по достоинству, – подумал он. – В отличие от всех завистливых дьяволов, омрачающих мне жизнь».

Гегурра наклонился через стол и, на всякий случай, считал по пальцам, перечисляя, что ожидало Бекстрёма в связи с празднествами в новой России.

Во-первых, из собственных рук русского президента ему предстояло получить медаль Александра Пушкина, самую высокую награду, которую русское государство могло вручить иностранному гражданину. Бекстрём должен был стать первым в этом ряду.

«Кто же еще», – подумал он и кивнул ободряюще.

Во-вторых, продолжил Гегурра, согнув указательный палец правой руки, планировалось снять телевизионный документальный фильм, а также, возможно, художественный фильм об этом событии. А также издать две книги. Во-первых, о самой музыкальной шкатулке, а во-вторых, рассказ о том, как она в конце концов смогла вернуться в Россию, где комиссару Бекстрёму отводилась роль героя произведения. Множество историков искусства, писателей и телепродюсеров уже работали над данными проектами.

«Самое время», – подумал Бекстрём и хмыкнул довольным.

– В-третьих, – сказал Гегурра и еще больше наклонился вперед, – я сохранил напоследок лучшее.

– И что же это? – с явным интересом спросил Бекстрём.

В связи со всеми празднествами русский президент намеревался сделать личный подарок Бекстрёму, вручить ему бутылку своей собственной водки. О чем Гегурре доверительно сообщил его русский знакомый.

– Наверное, она какая-нибудь особая, – предположил Бекстрём. У него дома хватало картонных коробок, и содержимое всех их было неплохое. Так что его, пожалуй, больше устроила бы какая-нибудь золотая медаль.

– Литровую емкость, – продолжил Гегурра. – И знаешь, сколько люди готовы заплатить за бутылку собственной водки президента?

– Нет, – ответил Бекстрём и покачал головой. – Мне лишь известно, что та, которая мне особо по вкусу, в магазине стоит пять сотен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.